

Яд любви

Как рушатся империи

Раф Гази

16+

Раф Гази

Яд любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37392480

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11154-7

Аннотация

Действие происходит в переломных для Евразии исторических эпохах: в 20-х годах XXI века, в 70-х – XX-го, в середине XVI-го. В повести в игровой упрощенно-бытовой манере показаны возможные векторы развития Евразийской империи – славяно-православный и тюркско-исламский, их мнимые и истинные движущие силы. Главному герою волею фантастических обстоятельств приходится переживать различные исторические коллизии, неожиданные повороты в судьбе страны и собственной жизни, в том числе любовные. Финал банален: мир спасут знания и любовь.

Содержание

1. На острове Бержуд	4
2. Мир раскололся	7
3. Роковая женщина	27
4. Ночной полет	48
В Проектном бюро планетарных исследований	56
Ядовитое послание для объекта U	66
5. Мир остановился	70
6. В Бургас, в Бургас!	75
Погоня за ланью	99
7. В сердце Европы	105
8. Время пошло	118
Отчет Иштар	120
9. Зеленые глаза	126
10. А завтра был экзамен	134

1. На острове Бержуд

Ут лежал с закрытыми глазами, не решаясь окончательно проснуться. Он медленно, очень медленно впускал в сознание ощущения своего сонного тела.

Ут еще раз осторожно прислушался к его импульсам. Нет, из позвоночника не поступало никаких болезненных сигналов; свежий воздух, естественное питание, отсутствие стрессов сделали свое дело. Боль ушла. Хорошо бы навсегда, подумал Ут. "Тихим цветком распускается в сердце радость", – кодовые слова, подтверждающие благополучие организма, родились сами собой, без малейшего напряжения.

Приоткрыв веки, Ут ничего не увидел, кроме узкой полоски света, робко пробивающейся через плохо зашторенное оконце. Глядя на эту солнечную ленту, Ут пытался угадать, который сейчас может быть час, и не пора ли ему подниматься. Потом, вспомнив, что он находится уже не в венском отеле «Himmel», а на практически необитаемом острове Бержуд, решил вообще не вставать. "Буду лежать здесь неподвижно, как Будда, всю оставшуюся жизнь..."

Однако жить ему, похоже, оставалось совсем недолго. Минут 20. Примерно столько времени он смог сопротивляться жизнерадостно бьющимся импульсам освобожденного от боли тела.

"Не каждому дано стать Буддой", по-философски рассу-

дил благоразумный обитатель островка, затерявшегося среди извилистых протоков древней реки Кама и, выкарабкавшись из палатки, отправился совершать запоздалый утренний моцион. Благо, река была всего в 10 шагах от места его ночлега. Точнее, не сама река, а одна из ее многочисленных протоков, берега которой густо покрылись камышовыми зарослями. А перед ними из воды тянулись к солнцу желто-розово-голубоватые растения, чей тускло бледный цвет выдавал их болотное происхождение.

Бержуд, куда вернулся Ут, из сильно утомившей его загранпоездки, оставался одним из тех немногих мест в Алтын Тартарии, где сохранялись еще некоторые признаки первозданной природы и редкие представители флоры и фауны, вроде белохвостого орлана, занесенного в международную Красную книгу. Большая же часть империи, занимавшей 1/6 часть суши земного шара, давно уже была закатана в бетон и асфальт огромных мегаполисов и их городов-сателлитов. Если где и сохранялись островки живой природы, то они принадлежали либо государственным капиталистам (совершенно ничтожная часть), либо частным олигархам (львиная доля) – в основном, выходцам из Китая и Америки. Только благодаря давней дружбе Ута с директором госзаповедника стало возможным его неофициальное, фактически нелегальное пребывание в запретной для простых смертных зоне.

Горячее августовское солнце уже успело нагреть до вполне комфортной температуры не успевшие остыть за корот-

кую летнюю ночь воды Камы. Ут, войдя в воду, медленно выдохнул и камнем ушел на дно протоки – именно таким способом, как это известно дайвингистам, можно добиться быстрого погружения. Быстрого, но недолгого – отсутствие запаса воздуха в легких уже через несколько секунд заставляет тело пробкой вылетать наверх. Вода быстрее, чем воздух довела до ныряльщика нарастающий рокот мотора.

Вынырнув, Ут увидел корму лодки. «Иштар все-таки приехала, хорошо, что я ей позвонил!» – обрадовался он.

В тот же миг блеснула молния, на небе появилось зеленое свечение, на остров Бержуд со стремительной скоростью стали надвигаться увеличивающиеся в размерах градины.

«Метеорит», успел подумать Ут, прежде чем впасть в забытье.

2. Мир раскололся

Мир раскололся. Ут точно это видел.

Когда он очнулся, осколки, в которых отражались расколотые горы, и расколотое на мелкие кусочки небо, и вздыбленный на части асфальт – всё опять соединилось в прежнюю гармоничную картину, без единого шва.

Ут сидел на земле возле придорожного кафе, подпирая спиной ствол могучей ветвистой чинары, спасающей своей щедрой тенью от убийственной жары, и приходил в себя.

Что это было? Разряд молнии? Но не было никакого дождя. Землетрясение? Но не было никаких разрушений. Единственное здание, которое наблюдалось в округе – одноэтажное кафе "Лейла" – стояло совершенно незыблемо и невредимо, без единой трещинки. Кое-где из из под белого тщательно оштукатуренного фасада проступали едва заметные желтоватые полосы саманного кирпича, что никак не могло свидетельствовать о каких-либо природных катаклизмах, разве только о небрежности строителей.

На стене кафе, под самой крышей, висел прямоугольный кусок красной материи, на которой белой краской были написаны слова: "Решения партии – в жизнь!" Но какой партии, написано не было. А зачем уточнять – и так ясно, партия была одна – «Единая Тартария».

Сделав это наблюдение, Ут окончательно пришел в себя и

пытался сообразить, что же с ним приключилось, почему все вокруг вдруг поплыло и мир внезапно раскололся, а потом вновь приобрел свои привычные очертания.

Был ли это солнечный удар? Возможно. В голове что-то щипало и кололо, словно в мозгу засела верблюжья колючка. Кстати, этими зеленоватыми колючими растениями была усыпана вся безжизненная пустошь за черной полоской асфальта до самых гор, протыкающих своими острыми пиками неподвижно застывшие на синем куполе большие ватные облака.

Ут засунул в накладной карман рубашки упавший на колени смартфон, медленно поднялся и осмотрелся.

За зданием придорожного кафе, в противоположной от гор стороне, виднелось какое-то селение. Редкая зелень плохо скрывала силуэты глиняных дувалов и возвышавшихся над ними плоских крыш. Кругом не было ни души, но из полуоткрытых дверей кафе раздавались музыка и манящий запах жаренного мяса.

Ут открыл двери и шагнул во внутрь. Его тело показалось ему каким-то легким и воздушным. Сразу напротив входа расположились музыканты. Круглолицый толстяк в черно-белой тубетейке азартно стучал в барабан, на бас-гитаре перебирал гибкими пальцами маленький смуглый, похожий на цыгана, паренек, а замыкал это трио высокий худой солист с узким вытянутым лицом и живописно спадающими на плечи черными волосами. Он быстро передвигал аккорды на

электрической гитаре, связанной запутавшимися проводами с розеткой в серой стене, и пел сильным голосом:

– Ты меня очаровала,
Шизгаре, о, Шизгаре...

«Ну и дела, – подумал Ут, – в этой забытой Богом глуши играют «Битлз». Зрителей в кафе – раз-два и обчелся. Огромные черные мухи, прячась от невыносимой жары в относительно прохладном помещении, назойливо жужжали под потолком, но клейкие узкие ленты, свисающие почти до самого земляного пола и призванные ловить вредных насекомых, не могли справиться со своей задачей.

– Ут, иди в машину, мы сейчас тоже придем, – раздался громкий, перебивающий "битлов" голос из-за стола, за которым сидела не очень молодая пара. Мужчина в шахматную клетку рубашке выглядел лет на 50, а женщина в сиреновом платье была заметно моложе своего спутника, ей можно было дать что-то около сорока.

– Подожди, может, он еще хочет что-нибудь съесть, – сказала женщина несколько назидательным тоном. – Утик, ты будешь еще кушать?

«Похоже, они обращаются ко мне, – удивленно подумал Ут и машинально помотал головой. – Но как они узнали мое имя и кто они вообще такие? И почему я должен идти к машине?» Запутавшись в догадках, Ут вышел наружу, решив, что все прояснится, когда его неожиданные знакомые закончат трапезу, и здесь на улице, где не будут мешать музыкан-

ты, все ему разъяснят.

А ситуация уже давно требовала разъяснения. «Где я нахожусь? Как я сюда попал?», – терялся в догадках Ут. Голова продолжала гудеть, в ней возникали мучительные вопросы.

Дверка одиноко стоящей под тенью чинары машины оказалась не запертой, Ут открыл ее и уселся на заднее сидение. Это был «Москвич» марки АЗЛК. Настоящий раритет! Интересно, как он смог так хорошо сохраниться, – на солнце машина блестела, словно новенькая – АЗЛК ведь снят с производства несколько десятков лет назад? «Когда-то у нас был «Москвич», сначала, 412-й модели (его купили, продав после смерти деда домик в Казани), а потом, АЗЛК, в точь-точь как этот, даже такого же кремового цвета. Правда, было это очень-очень давно», – вспоминал Ут.

Ут потянулся к дверце, чтобы открыть окно... и с изумлением начал рассматривать свою руку, он ее не узнавал, это была будто не его рука, тонкая, загорелая... Сильная головная боль мешала сосредоточиться и разобраться в ощущениях, иначе Ут давно бы почувствовал, что тело тоже как бы не совсем его, – стройное, легкое, гибкое... Ут с интересом стал себя оглядывать. На нем были белая рубашка с короткими рукавами, коричневые расклешенные внизу брюки и какие-то дурацкие сандалии с ремешком. Одежда тоже из далекого прошлого. «Что за маскарад! И зачем я так вырядился?» – продолжал недоумевать Ут. Вдруг блеск озарения промелькнул в затуманенном сознании. Неужели это прав-

да? Нет, нет, не может быть! Это же полная чушь!..

Ут осторожно вышел из машины и крадущимися шагами стал приближаться к зеркалу бокового обзора, чтобы увидеть в нем свое лицо. Ут его увидел и... резко отшатнулся. Зеркальное отражение привело его в сильное замешательство – это был не он. Точнее, не совсем он – в зеркале показался какой-то юнец, с едва пробивавшимся над пухлыми губами мягким пушком. Может, померещилось? Ут нагнулся и еще раз, уже более внимательно стал изучать свое отражение – сомнений быть не могло, на него смотрел Ут, только очень юный, образца 40-летней давности.

Если сказать, что это открытие повергло его в шок, – значит, ничего не сказать. Он просто обезумел! Мысли пришли в хаотическое движение. Ут вновь затаился на заднем сиденье, и чтобы как-то унять нервную дрожь, от которой ходунном ходили руки и ноги, попытался глубоко вздохнуть и задержать дыхание. А что если, это только сон? Ну, конечно же, сон, конечно, сон – стоит лишь слегка поднатужиться, разомкнуть глаза, и весь кошмар сразу закончится. Но проснуться не получалось...

Тем временем из дверей кафе вышли уже знакомые ему мужчина с женщиной. Ут стал догадываться, кем они ему приходились. Первым шел мужичок, чуть ниже среднего роста, с выпирающим брюшком, заметной лысиной, которую обрамляли черные с небольшой проседью кудряшки. За ним следовала полноватая дама, с миловидным белым лицом –

несмотря на палящее южное солнце, загар к нему почему-то не приставал. Они уселись в машину, завелся мотор.

Ут потянулся к дверке, чтобы открыть окно и впустить в салон свежий воздух.

– Утик, тебе плохо что ли? – женщина участливо обернулась.

Нужно было что-то отвечать. Ут закрыл глаза и тихо произнес, не узнавая своего голоса:

– Нет, ничего, просто устал. Я немножко посплю.

– Ладно, спи. Дорога еще дальняя.

Притворившись спящим, Ут стал обдумывать свое положение. Первым делом нужно было определить время и место своего пребывания. Природный ландшафт – пустыня и саксаулы – подсказывал, что это могли быть Кызылкумы. Но горы говорили о том, что они могли выехать и за пределы Красных песков...

«Стоп, вспомнил! – остановил бег своих мыслей Ут. – Да, как-то летом во время каникул, кажется, в начале августа, в самый разгар саратона – пика жары в Согдиане – я ездил с родителями в гости к каким-то дальним родственникам на Памир, где в античные времена располагалась столица древней Бактрии. Только когда это точно было? После 8 класса или 9-го? После 10-го этого быть не могло, поскольку сразу после выпускных экзаменов я поехал на юношеский чемпионат Алтын Тартарии по футболу в Ангар-тепе, где проходила наша зона, а потом поехал с другом строить БАМ – Бай-

кало-Амурскую железнодорожную магистраль. Значит, 8-й, нет, наверное, все-таки 9-й класс, точнее, летние каникулы. И, следовательно, на данный момент мне 15 или 16 лет. Скорее, всего 16».

Ут пошевелил успокоившимися руками и ногами – да, они вполне могли принадлежать 16-летнему юноше-спортсмену.

«Где мои 16 лет? А вот они, на Большом Памире. Чудны дела твои, Господи!»

Ут припомнил также, что с ним в той поездке, действительно, случилось что-то вроде солнечного удара и привиделся какой-то мираж, как будто мир, действительно, раскололся на мелкие кусочки, а затем вновь склеился. «Может, взрыв метеорита на острове Бержуд и никем, кроме меня, не замеченный Раскол мира в горах Памира образовали Петлю времени, и меня затянуло сюда из будущего? – стал кое о чем догадываться Ут. – А что? Это, по крайней мере, хоть как-то объясняет ситуацию».

Как бы там ни было, теперь Уту предстояло жить в новой старой реальности – в этом своем внезапно нагрянувшем прошлом. Сколько – неизвестно. Ясно одно, открывать этого было нельзя никому – примут за сумасшедшего.

Ута и вправду укачала дальняя дорога. Похоже, утомленный непривычными впечатлениями, продремал он, вернее, продрых как убитый, часа три-четыре кряду.

Трудяга "Москвич" пересекал уже Старый город и проезжал мимо древнего полуразрушенного минарета, на вер-

шине которого вместо муэдзина восседала парочка белых аистов. Она давно облюбовала это самое высокое во всей округе место и свила там для себя уютное гнездышко. Говорили, что аисты приносят удачу, и местные жители боялись, как бы они не улетели насовсем – поэтому никто не рисковал нарушать их покой. А большие длинноногие птицы, словно чувствуя к себе такое почти священное отношение, вели себя вальяжно и важно, невозмутимо наблюдая с недостигаемой высоты за абсолютно безопасными для себя людскими страстями.

Но никто еще не знал, что через пару десятков лет выглядевшая такой мощной Алтын Тартария зашатается. Русские уедут в Рязань, тартары – в Казань, а бухарские евреи – в Израиль. Правда, Империя потом вновь укрепит свое положение в Согде. Но аисты сюда больше уже не вернуться.

Машина выехала из Старого города и по прямому, как стрела, тракту покатила к проспекту Дружбы народов в сторону железнодорожного вокзала. Вдоль дороги зеленели еще не созревшие хлопковые поля. В окно машины влетал горячий ветер. Ут смотрел в открытое окно и будто старый фильм вспоминал: вот торговые ряды Нового базара, сразу за ним – поворот в совхоз "Мамай". Здесь жили в основном добровольные переселенцы: немцы, корейцы, чеченцы, крымские тартары.

После этого рубежа, собственно, и начинался Новый город с его неожиданно густой для Кызылкумов зеленью и го-

лубыми многоэтажками. На перекрестке Ут увидел огромный рекламный щит с крупно выписанными словами:

АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДА N – ЖЕМЧУЖИНЫ КЫЗЫЛКУМОВ – ЯВЛЯЮТСЯ ГОРДОСТЬЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС

«Что это за текст? – озадачился Ут. – Советский Союз, генеральный секретарь, КПСС... Что означают эти непонятные слова? Чушь какая-то!» Да, на этом месте висел рекламный щит, но надпись была другая. Ут напрягся и вспомнил:

АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДА N – ЖЕМЧУЖИНЫ КЫЗЫЛКУМОВ – ЯВЛЯЮТСЯ ГОРДОСТЬЮ АЛТЫН ТАРТАРИИ. Из фирмана Верховного кагана.

Через несколько минут "Москвич" свернул с проспекта на улицу Тукая, но на табличке-указателе значилось «ул. Пушкина». Причем, тут Пушкин, продолжал недоумевать Ут. И тут же попытался себя успокоить: "Ничего странного, Пушкин – это и есть "русский Тукай". Наверное, я просто забыл, как называется эта улица, столько лет прошло!"

Позади остался Дом культуры «Фуркат» с главной достопримечательностью города – скульптурой народного героя Ходжи Насреддина. Его огромную восседающую на маленьком осле фигуру водрузили на берегу бассейна, обложенного гладкими, под розовый мрамор, плитами.

Ут с трудом восстанавливал в памяти названия проспектов, улиц, учреждений давно покинутого города. Вот уж не

думал, что он вновь когда-нибудь окажется здесь.

Далее дорога брала плавный изгиб влево, и Ут увидел, как на фасаде дома промелькнул еще один знакомый с детства плакат, но на нем было написано не «Слава кагану!», а «Слава КПСС!» Миновав изгиб, «Москвич» резко взял вправо, и обогнув дом сзади, наконец, остановился возле первого подъезда с парадной стороны.

Стандартная "двушка" по адресу Тукая-Пушкина 5/1 была обставлена скромно, если не сказать бедно. Раскладной диван грязно-серого цвета. Книжный шкаф с тремя полками и с полтора десятком потрепанных книг. Разбитый радиоприемник со встроенными ножками, телевизор "Рекорд" с малюсеньким экраном. В середине – раздвижной стол.

Окружающее пространство давило и душило Ута своей серой убогостью, вызывая щемящее чувство тоскливой ностальгии.

Мебель в спальне выглядела еще беднее – коричневый шифоньер, две железные кровати и письменный стол из светлого дерева у окна, за которым Ут когда-то делал уроки.

В квартире было душно и жарко – раскаленные дневным зноем бетонные стены не обещали прохлады даже ночью. Из кухни доносился запах варенного мяса и капусты – на ужин готовили дамляму.

– Утик, иди, мой руки, будем кушать, – прервал его размышления материн голос.

Мать, кажется, заметила, что с ее сыном творится что-то

неладное, она смотрела на Ута долгим немигающим взглядом, и как будто чего-то от него ждала, ждала каких-то объяснений. Ут знал, чем это кончится. Ничем. Мать всегда так на него смотрела, когда что-то казалось ей странным, но не заводила разговор, не зная, как к нему подступиться.

– Будешь добавку? – спросила мать.

– Нет, – ответил Ут, несмотря на неутоленный голод, – ему хотелось поскорее уединиться.

– Тогда попей чаю.

Отец еще не вернулся из гаража, мать его потом покормит отдельно – Ут вспомнил, что у них не были заведены совместные трапезы. Но за каждым было закреплено свое место. Мать сидела возле раковины и газовой плиты – кухня была махонькой, отец – рядом с ней, спиной к балконной двери, а Ут – с краю, но как бы во главе кухонного стола, покрытого ядовито-зеленой клеенкой. Спина его упиралась в стену, точнее, не в стену, а в дверку служебного шкафа, выкрашенного в белый цвет, за которым скрывались канализационные трубы.

В доме не все в одно и то же время садились за стол, и не все одновременно из-за него вставали. Отец, быстро проглотив чуть теплый чай, обычно уходил первым читать свою газету «Вести Алтын Тартарии».

Впрочем, так было не всегда. После 50-летнего юбилея он переменялся, причем, кардинально. Былую угрюмость как корова языком слизнула. Из замкнутого и молчаливого су-

харя он вдруг превратился в открытого и общительного жиз-
нелюба.

Как-то отец пришел с работы очень злым и раздражен-
ным, и едва ли не с порога начал орать:

– Манка, сопляк! Он меня еще учить будет!

Ут редко видел отца в таком состоянии, он не любил об-
суждать дома проблемы, которые возникали у него на рабо-
те. А на этот раз прорвало.

– Я ему так прямо и сказал: «Тартар түрә булса, чабата-
сын түргә элә» (если тартарин станет начальником, то сразу
задирает нос). Манка, он еще не знает, кто я такой!

Выяснилось, что сменился начальник управления диспет-
черской службы комбината, кому непосредственно подчи-
нялся отец. Поставили молодого перспективного тартарина,
земляка из Казани, представителя титульной нации, и тот,
видимо, с первых дней начал «строить» своих подчиненных.
Отец-то думал, что теперь будет лучше, коли его шефом стал
земляк, но коса, как говорится, нашла на камень, и он в пух
и прах разругался с новым начальником.

Несколько дней отец ходил мрачнее тучи, а потом вдруг
перешел работать на другое оборонное предприятие, про-
стым бригадиром слесарей. Это было неожиданное и му-
жественное решение, ведь он не просто занимал должность
старшего диспетчера важного объекта стратегического на-
значения, но был еще и парторгом заводского отделения пра-
вящей партии «Единая Тартария». К тому же отцу остава-

лось всего несколько лет до пенсии – он уходил на заслуженный отдых по «льготной вредной сетке» раньше установленного срока.

Не исключено, что именно этот случай и тесное общение с простыми работягами так сильно изменили его характер.

Перебарывая себя, Ут впервые обратился к матери напрямую с просьбой постелить ему постель, потому что не мог вспомнить, куда ему нужно было идти ложиться спать. Мать бросила на сына удивленный взгляд, но молча убрала покрывало, поправила подушку на кровати в спальне напротив письменного стола и небрежно махнула своей полной белой рукой, ложись, мол, какие проблемы. Быстро раздевшись, Ут завалился на кровать, под его легким телом противно заскрипели железные пружины. Он натянул простынь до самого подбородка и углубился в свои мысли.

"Родители, наверное, спят в зале на раскладном диване, а для кого же тогда предназначена вторая железная кровать в спальне?" – возник еще один безответный вопрос.

В сознании опять перемешались две «видео дорожки»: на одной прокручивались извлекаемые из затаенных уголков памяти полустертые, смытые кадры из его первой жизни, на другую дорожку наслаивались свежие впечатления второй жизни, которые возникли уже после Раскола мира.

"Так может и крыша поехать", испугался Ут и чтобы, как-то развеяться, встал с постели и подошел к открытому окну. Едва заметное дуновение легкого ветерка, прикоснувшегося

к лицу, обдало скорее жаром, нежели прохладой.

Обостренный слух Ута, как локатор, уловил скрип входной двери, кажется, вернулся из гаража отец. Мать загремела на кухне посудой. Потом вновь скрипнула входная дверь, Ут услышал чье-то неразборчивое бормотание и мамкин голос.

– Утик, к тебе пришли, – надежды на то, что до утра его трогать не будут, рухнули.

– Кто там? – недовольным голосом спросил Ут и стал нащупывать черное трикотажное трико и белую хлопчатобумажную майку, обнаруженную на спинке стула, прислоненного к письменному столу.

– Гулькин-Мулькин какой-то, я не знаю этого мальчика, – последовал ответ.

"Какой еще там Гулькин-Мулькин? – лихорадочно сообщал Ут, неспешно одеваясь – Гулькин, Гулькин... Кто же это мог быть?.. Ах, да, это верно Гулга!" – стрельнула догадка.

Учился в параллельном классе, то ли в «А», то ли в «В», то ли в «Г», но точно не в «Б» паренек с такой кличкой. Он немножко заикался.

«Что же ему от меня надо? Сейчас узнаем», – сказал самому себе Ут и вышел из подъезда в темный двор.

– Ну, где твой Атаман, в на-атур-ре? – по блатному растягивая слова и спотыкаясь на букве «р», агрессивно спросил Гулга.

– Какой атаман? – опешил Ут.

– Ну ты же базар-рил, что за тебя Атаман впр-рягется. Где он? Я своих пацанов пр-пр-ривел, – Гулга махнул рукой в глубину двора, в сторону лягушатника – крошечного бассейна, в который давно уже не пускали воду. В темноте ночи угадывались черные зловещие фигуры – на кромке бассейна, на корточках, выстроившись в цепочку, сидело около десятка ребят. «Как волчата», подумал Ут, в сиянии луны почувствовал блеск их хищных клыков.

До Ут туго доходило, чего добивается этот неказистый, слегка заикающийся, но наглый и уверенный в себе паренек. Ут начал припоминать, что в первой жизни у него с ним случился какой-то конфликт, и Гулга сейчас привел свою банду, чтобы отомстить. К счастью, Ут вспомнил, что инцидент тогда закончился вполне мирно, и выбрал выжидательную тактику, то есть просто спокойно смотрел в наглые глаза Гулги и молчал.

Очень скоро эта тактика возымела успех. Гулга отвел взгляд и покровительственно, как бы сверху вниз, хотя был ниже ростом, похлопал Ута по плечу:

– Ладно, давай, чувак, без обид. Пр-ривет Атаману!

Жест был, конечно, высокомерным. Но учитывая неравенство сил – за Гулгой стояла стая молодых волчат – и беря во внимание тот факт, что до конца еще не были восстановлены в памяти все детали ссоры, Ут решил смолчать.

Гулга вихляющей походкой направился к своим пацанам, те дружно, как по команде, спорхнули с лягушатника и, осве-

щая ночь искорками зажженных сигарет, удалились восвояси.

Ут опустился на скамейку, и чтобы успокоиться и собраться с мыслями, стал смотреть на звездную ночь. Нигде, как в Кызылкумах, нет такого по-настоящему черного неба и таких по-настоящему ярких крупных звезд на нем. Звезды были так близки, что, казалось, протяни руку и ты сможешь их коснуться. Вспомнились строчки из Фета:

Какая ночь! Все звёзды до единой

Тепло и кротко в душу смотрят вновь.

Мысли Ута переключились на конфликт с Гулгой. Был ли он сегодняшней ночью исчерпан или нужно ждать его продолжения, и Уту предстоит исправлять ошибки своей далекой юности? И сколько таких ошибок будет еще впереди?

Ут по крупницам воссоздавал историю этого инцидента, доставая со дна мусорной корзины своей памяти чудом уцелевшие фрагменты давно минувших дел. И чем полней и объемней начинала представлять картина, тем больше уверенности в нем накапливалось: а никакой ошибки-то и не было, все было правильно!

Около недели назад, как удалось вычислить, в 20-х числах августа, нескольких ребят из 9-го, нет, уже 10-го Б – Ута, Карпа, Сеню, Чибя, Швеца и Швеля срочно вызвала директор школы Красногородская Варвара Ксенофоновна, совершенно легендарная личность, о чем еще, возможно, представится случай рассказать. Ребят попросили помочь в ремонте

школы. Дескать, на носу первое сентября, а школа к занятиям не готова, – стыд и срам! – и вы, как сознательные патриоты и отличные спортсмены, осознавая свой ученический долг, должны и обязаны...

Короче говоря, вооружившись кистями, красками и ведрами, полученными вместе с подробными инструкциями от физрука, новоиспеченные десятиклассники принялись красить истоптанный до неприличия пол спортзала и чернеющие решетки на его окнах.

И тут в спортзале нарисовался этот злополучный Гулга. Обычно ПТУ-ушники, покинув школу после 8-го класса, редко в нее навевывались. Но у Гулги, видно, была какая-то надобность. Гулгу все знали как спокойного, выдержанного парня, но ПТУ с его дедовщиной, с полуармейскими-полутюремными нравами сильно меняло людей. Не избежал этого влияния и Гулга. Облачен он был в широченные клешши, на открытом пузе узлом завязаны края модной цветастой рубашки – так тогда ходили все хипари, в углу рта – изжеванная беломорина.

– Здор-рово, бр-ратва! – явно кому-то подражая и стараясь выглядеть бывалым пацаном, громко, немного заикаясь, просипел Гулга. Он подходил поочередно к каждому из ребят, и как бы нехотя, снисходительно совал свою вялую лапу, вроде здоровался.

– Не запахло на физрр-рука ишачить? – вызывающим тоном, ни к кому конкретно не обращаясь, бросил в воздух из-

девательский вопрос Гулга.

Он ловко зацепил своей «граблей» ведро с белой дефицитной краской, предназначенной для нанесения разметки, и молча, ни на кого не глядя, потопал к выходу.

Это выглядело, как плевков в лицо.

– Постой, Гулга, куда лыжи наострил, поставь ведро на место! – не выдержал Ут.

Гулга повернулся и, не выпуская ведра из цепких рук, смачно выплюнул потухшую папироску, специально целясь на свежеразкрашенное место.

– Что, патриот, школьное добр-рро пожалел? – с наглой ехидцей спросил ПТ-ушный шпаненок.

– Мне государственного не жалко, – заметно горячась и закипая, принял вызов Ут. – Но ты бы хоть попросил нас, пацаны, мол, мне краска позарез нужна, отлейте чуток. Мы бы, может, по старой дружбе и отлили.

Товарищи Ута согласно закивали головами.

– Да, кто вы такие, чтобы у вас разр-ррешалки спр-ррашивать, – внешне абсолютно спокойно отреагировал Гулга и совершил угрожающий разворот в сторону Ут. – А ты, тар-тарская морда, сам кр-рраску бочками мне будешь катать, понял, козел!

– А ну повтори, что сказал! – сжав кулаки, едва сдерживая закипевшую ярость, Ут стал надвигаться на Гулгу, отмахиваясь от чьих-то попыткавших остановить его рук.

– Тартарская морда, – опять спокойно, с подлой ухмылкой

произнес Гулга.

Лучше бы он не произносил этих слов, эта оскорбительная кличка действовала на Ут, как красная тряпка на разъяренного быка.

Новостройки на окраинах громадной Имерии осваивались в основном приезжими из Мосхоского улуса. Местных – ираноязычных парсов и тюркоязычных сартов – в новых городах проживало не так много, так же, как и представителей титульной нации. И их не недолго любили, считая «завоевателями и поработителями». Но если в центральных районах Алтын Тартарии, в местах компактного проживания тартар, их задевать боялись, то здесь, на периферии, иногда разыгрывались настоящие драмы.

Однако вернемся к Гулге, который спокойно стоял перед грозно надвигавшемся на него Утом, не выпуская из рук ведра с краской и совсем не готовясь к защите. Или был совершенно уверен в том, что Ут не решится на него напасть. Или рассчитывал на его благородство, которое не позволит нанести удар человеку, чьи руки заняты ведром.

Гулга просчитался. Яростный удар Ута пришелся точно по подбородку: пацаненок шлепнулся на пол, а ведро с краской покатило в другую сторону, заливая белизной свежо выкрашенный ядрено-желтый пол.

"Придется заново перекрашивать", – успел подумать Ут. ... Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы одноклассники не оттащили Ута от растерзанного Гулги. Когда

ПТУ-ушник отчалил со своей все же непобежденной улыбкой на окровавленном лице, к Уту подошел Сеня, который всегда обо все знал и тихо сказал:

– Зря ты это сделал, у него старший брат на днях из зоны откинулся. Если «забьют стрелку», приведи Атамана, ты же, кажись, его знаешь. А главное Гулга знает, что ты с ним знаком. Против Атамана они не попрут...

– Утик, ты что там делаешь? – оторвал Ут от неприятных воспоминаний озабоченный голос отца, высматривавшего его с балкона. – Иди, домой, поздно уже.

Ут еще раз бросил взгляд на сияющие звезды. Рядом с Венерой проблеснул кровавый диск Нибуры, луна желтоватым светом облила опустевший двор. Ут отправился спать.

Так закончился первый день его новой жизни.

3. Роковая женщина

На следующий день Ут проснулся поздно. Отец уже ушел на работу, а у матери был отгул, и она попросила сына сходить за хлебом.

Несмотря на 10 утра и конец лета, солнце пекло немилосердно. На улице было безлюдно. Завтра, как сообщила мать, 1 сентября, и нужно собираться в школу.

Ут свернул по тротуару с Тукая, то бишь Пушкина, на улицу Центральная и увидел ее, Беллу. Он только-только сравнялся с началом дома №1 на Центральной, а она появилась у конца этой же длиннющей четырехэтажки с голубыми балконами. Ут ждал и опасался этой встречи, но она была неизбежна, и многое могла прояснить в обеих его жизнях – первой и второй. Плавно, как в замедленной киносъемке, девушка приближалась к Ут. Он признал ее сразу, узнавая также ее легкое, чуть выше колен летнее платье, украшенное яркими сине-желтыми цветочками, ее высокую грудь, широкие бедра, переходящие в тонкие лодыжки. Выражение ее слегка скуластого лица было иронично-вызывающим, большие светлые глаза смотрели дерзко и насмешливо, будто говорили "лучше не связывайся со мной". Белла слыла первой красавицей в классе. Они встретились ровно в середине пути.

– Привет, Утик! – поздоровалась она, все знакомые ребята

называли его Утиком, только Швель, один из его закадычных приятелей – Утя.

– Как дела? Куда идешь? – забросала парня вопросами Белла.

– Да вот мать за хлебом послала, – показал Ут пустую авоську.

– А я уже иду с хлебом, – засмеялась Белла и в ответ подняла к носу Ут свою прозрачную сетку, через большие ячейки которой были видны белая булка и две бутылки кефира.

– Как ты съездил? – продолжая расспросы, девушка многозначительно кивнула на висевшие на соседнем фонарном столбе огромные часы и заговорщически подмигнула.

Ут, проследивший за ее взглядом, вновь увидел за часами, на фасаде дома, стоящего на перекрестке улиц Центральная и Пушкина, вчерашний плакат «Слава КПСС!».

«Опять это дурацкое слово – «КППС», что же оно означает?», – подумал Ут, но осмыслить ничего не смог, поскольку нужно было общаться с девушкой.

– Ничего, нормально съездил, – ответил Ут уклончиво, удивляясь ее осведомленности по поводу его поездки на Памир.

– Приходи сейчас ко мне, мама ушла на смену, – ни капли не смущаясь и не жеманясь, предложила Белла.

– Хорошо, приду, схожу за хлебом и приду, – пообещал Ут, понимая, что встречи с ней все равно не избежать.

Белла стала его роковой женщиной, но ни она, ни сам Ут,

конечно, тогда об этом не догадывались. Все последующие женщины, которыми Ут потом всерьез увлекался, чем-то были похожи на нее. Так же как первая квартира по Тукая 5/1 определила его любимое место за кухонным столом, так и первая девушка определила тот тип женщины, который ему потом всегда нравился. Заметная грудь, высокая талия, широкие бедра, изящные ноги, тонкие щиколотки и запястья – вот ее примерный портрет. И имена их всех почему-то начинались с буквы «Б» – княжна Болли, китайская принцесса Бо Ли, Балига ханум, и все они почему-то заставляли его страдать и доставляли ему боль.

До "Березки" – так назывался ближайший магазин – оставалось минуты 3-4 неспешным ходом, но за это время в голове Ута успела промелькнуть едва ли не вся его первая жизнь.

"Нет, все это не случайно, все что происходит со мной, совсем не случайно, – думал Ут. – Я не случайно попал в Петлю времени, и минуту назад тоже не случайно встретился с Беллой. Возможно, даже именно для того, чтобы случилась эта встреча, был устроен Раскол мира и образовалась дыра во времени, чтобы через нее я мог провалиться в прошлое. Но почему эта встреча, если она так важна, была организована не сразу после Раскола мира, а лишь на второй день? Вероятно, это было сделано так для того, чтобы я успел хоть немного адаптироваться к новым реалиям и уже, ни на что не отвлекаясь, сосредоточится на той главной задаче, ради которой и попал сюда, в прошлое, на полвека назад. Но ка-

кую задачу мне нужно выполнить?"

Это был главный вопрос. Несколько деталек заставили Ута внутренне содрогнуться. «Уже дважды мне попадались надписи с этой зловещей аббревиатурой КПСС, – анализировал ситуацию Ут. – Что бы они могли означать? И другая деталька – Белла зачем-то указала на уличные часы, и при этом, кажется, хитро ухмыльнулась. Что она этим хотела сказать? Может, подавала какой-то знак? А вдруг... Неужели... Неужели она все знает? Неужели она тоже из будущего?..»

Еще почему-то Уту припомнилась австрийская девушка Иза, которой он так и не дождался на острове Бержуд. Полное ее имя, кажется, Изабелла. «Изабелла» по-хонски означало «Красивая», а Белла – уменьшительно-ласкательное форма этого имени. Белла – Изабелла... Странно все это как-то. Опять имя женщины начиналось с буквы «Б».

Мысли жужжащим роем носились в голове. Однако Ут не только успевал следить за их бешеным полетом, но и внимательно наблюдать за тем, что происходило вокруг. Вот он прошел мимо магазина "Игрушки" и стал пересекать небольшую площадь перед кинотеатром "Центральный". У входа в зеленую аллею была вывешена растяжка " Футбол. Тогда – Авангард. 5 сентября. Начало 19 часов". Свернув направо и перейдя дорогу, можно было попасть на стадион "Согдиана", где разворачивались жаркие футбольные баталии. Но ему нужно было шагать прямо...

И вдруг Ут замер, как вкопанный, увидев странную кино-

афишу – "Корона Российской империи. 27-31 августа". Что за бред? Он помнил этот фильм, он ходил на него 7 раз, но называлась картина по другому – «Корона Тартарской империи». Что за мистика?

От лихорадочных мыслей Ута отвлек чей-то хриплый голос:

– Ладно, Сивый, отпусти малявок, пусть валят, не звенит!

За афишей среди елок, два шкета с озабоченными лицами прыгали перед патлатым верзилой, пускающим им в глаза кольца табачного дыма.

– Валите отседова! – скомандовал длинноволосый.

Шкетов как ветром сдуло.

Местная шпана устраивала засаду в кустах на неразумных пацанят, которых родители посылали в «Березку» за хлебом, солью и спичками. «Гопстопники» ленились даже обшаривать их карманы, а просто заставляли попрыгать: если звенела мелочь, ее безжалостно конфисковали.

Зайдя в магазин, Ут удивился изобилию продуктов на прилавках. Конечно, с казанской "Березкой" сравнивать было трудно, но если в столичный «Первый Гастроном» пускали только по спецпропускам, то сюда мог зайти любой смертный. Мясные вырезки, колбасы любых сортов, сыры всех видов, полный ассортимент кисло-молочных продуктов, в наличие было даже шоколадное масло – Империя заботилась о своих легионерах.

Правда, жители закрытого городка N не понимали до кон-

да своего счастья. Живя на периферии огромной Империи и редко бывая в ее центральных районах, наивно полагали, что там-то, в Центре, жизнь бьет ключом, а тут у них – одни тихие, серые будни. А между тем в европейской части Алтын Тартарии – в Сары Тау, Хаджи Тархане, Сарыцине и других городах наблюдалась нехватка основных продуктов питания, самые дефицитные из которых выдавались по талонам, и за ними выстаивались огромные очереди.

Купив за 16 копеек буханку белого хлеба, Ут едва ли не бегом отправился в обратный путь – ему не терпелось встретиться с Беллой, чтобы задать ей кучу вопросов. Пробегая поворот с Центральной, Ут краем глаза опять зацепил этот начинавший уже бесить его плакат "Слава КПСС!", но накручивать себя не стал – сейчас придет к Белле, и она ему все разъяснит.

Закинув матери буханку хлеба и отмахнувшись от обеда "потом, потом!" , Ут побежал к дому №1 по улице Пушкина-Тукая, где жила Белла. Но возле ее дома он умерил прыть, мучительно вспоминая номер ее подъезда. Он знал наверняка, что ее квартира находится на последнем этаже, но в каком подъезде – забыл. Во втором или третьем? Ут наугад шагнул в третий, пулей взлетел на четвертый этаж, постучался в левую дверь и попал... в жаркие объятия Беллы.

– Как я соскучилась! – прижалась девушка к Ут своим дрожащим юным телом. Ее трепет стал передаваться и ему, он обнимал ее легкий стан, чувствуя волнующее прикосно-

вение.

– Как давно мы не виделись, – тяжелым шепотом выдохнула Белла и, подняв голову, захватила Ут своими бездонными глазами, в которых ему почудился какой-то зеленоватый оттенок.

"Лет 40", – сказал про себя Ут и, высвободившись из пьянящих объятий Беллы, увлек ее вглубь комнаты.

– Мне о многом нужно с тобой поговорить, – сказал он девушке.

– Мне тоже, – ответила она.

Ут смотрел на ее нервное напряженное лицо, на ее сочные слегка вздрагивающие губы и с трудом поборол в себе желание впиться в них страстным поцелуем. "Нет, это потом, – остановил он себя. – Сначала нужно кое-что выяснить".

– Иштар!..

– Ты кого зовешь? – глаза девушки испуганно и, как показалось Ут, злобно загорелись зеленым светом.

– Извини, Белла, – поправился Ут, впервые произнеся вслух ее имя и заново пробуя его на вкус.

– Да, – томно отозвалась она.

– Тебе ничего не показалось странным?

– Что ты имеешь ввиду? – не поняла Белла.

– Иди сюда, – Ут взял за руку девушку и усадил ее рядом с собой на диван. – Понимаешь, у меня возникли некоторые проблемы, и я бы хотел, чтобы ты помогла мне их решить.

– Какие вопросы, любимый? – девушка отняла руку и до-

верчиво прижалась головой к плечу Ута, обнимая его высвободившейся рукой.

Ут тоже осторожно приобнял ее, стараясь не откликаться на трепет тесно прижавшегося к нему девичьего тела. В его юношеских воспоминаниях Белла не была такой темпераментной, что несколько удивило Ута.

– Давай разложим все по полочкам.

– Давай, – тихим шепотом согласилась Белла, еще теснее прижимаясь к нему.

– Я буду задавать тебе вопросы, – слегка отстраняясь от горячего тела, чью нервную дрожь он явственно ощущал под легким платьем, Ут стал подходить к главному. – А ты, ничему не удивляясь, отвечай мне, хорошо?

– Хорошо, – произнесла Белла уже почти совсем трезвым голосом, тоже немного отстранившись от Ута.

Главное, что хотел узнать Ут – прибыла ли Белла сюда тоже, как и он, из будущего или она ничего не знает о Петле времени. Судя по ее поведению, – в котором, если и было какое-то волнение, то проявлялось оно лишь в форме естественных инстинктов молодой чувственной натуры, соскучившейся по своему парню, – судя по всему, девушка проживала сейчас свою первую и единственную жизнь. Но чтобы окончательно в том удостовериться, Ут спросил:

– Скажи, а зачем ты мне указала на часы, когда мы с тобой 20 минут назад встретились на Центральной?

– А ты сам не можешь догадаться? – ответила вопросом

на вопрос Белла, окончательно от него отстранившись.

Ут почувствовал, что чем-то обидел девушку.

– Ну ладно не обижайся, может, я о чем-то и забыл, – произнес он примирительным тоном.

– Забыл! – Белла, как ужаленная, соскочила с дивана. – Видите ли, он забыл, как такое можно забыть – я не понимаю!

– Ну ладно, прости, – Ут взял за руку разгневанную девочку, стараясь снова усадить ее на диван.

– Ни за что не прощу, пока ты не вспомнишь, – нехотя уселась девушка, отдалившись все же от Ут на почтительное расстояние.

Ут попал в затруднительное положение, он не знал, как себя с ней дальше вести.

– Ты смотрела фильм "Корона Тартар... м-м, Российской империи"? – поправился Ут.

– Конечно, смотрела, мы же вместе ходили. Опять забыл?

– Ничего я не забыл! – соврал Ут. – Я даже помню, как ты хохотала, когда Ленина с его большевиками посадили на бронепоезд и поперли обратно в Германию.

Эпизод был действительно смешным, и зал на этом месте просто покатывался от смеха, и Белла, значит, тоже. Но реакция девушки была, мягко говоря, неадекватной.

– Ты че сдурел, ты чего городишь!

– Ну вот и пошутить нельзя, – на всякий случай спрятался за банальной отговоркой Ут.

– Ну у тебя и шутки! За такие шутки, знаешь, что бывает...

Разговор явно не клеился, за какую бы тему Ут не брался, везде его ждал прокол. Он был близок к отчаянию. Опять нависла тишина. Белла сердито прикусила нижнюю губу и незаметно, как змея, уползла на самый конец дивана.

Ут вдруг резко придвинулся к девушке, взял ее за тонкие плечи и сильно, почти грубо повернул к себе.

– Ты мне должна помочь, понимаешь! – с тяжелым надрывом произнес он.

– Что случилось? – подняла она испуганные глаза.

– Со мной случилась беда.

Белла нежными руками взяла голову Ут и долгим напряженно-участливым взглядом стала смотреть в его глаза.

– Говори, что случилось, только правду.

– Не знаю даже с чего начать...

Белла терпеливо ждала. Ут, подумав, решил сказать правду. Но не всю.

– Я видел, как раскололся мир.

Девушка смотрела непонимающим взглядом.

– Да, я видел, как раскололся мир, когда ездил с родителями на Памир. Мир раскололся на мелкие кусочки, а потом опять собрался. Я, кажется, в это время потерял сознание, а когда пришел в себя, у меня сильно болела голова.

– Бедненький мой, то-то я смотрю, ты какой-то странный, – девушка положила голову Ут себе на грудь и стала его

гладить, как маленького.

– Может, это был солнечный удар?

– Может. Но с тех пор у меня временами стала пропадать память.

В глазах Беллы блеснули слезы.

– Ты совсем ничего не помнишь?

– Я помню почти все, но мне нужно подсказывать, тогда память возвращается.

– О чем ты хочешь, чтобы я тебе напомнила? – участливо спросила девушка, продолжая гладить Ута по голове.

– Про часы.

– А-а, про часы. Разве ты не помнишь, что мы с тобой договорились под ними встретиться 31 августа в 10 утра?

– Нет, но вот ты сказала, и я стал припоминать, что мы всегда там назначали наши встречи.

– Вот видишь, ты вспомнил. Не бойся, я тебе помогу, со мной ты вспомнишь все! – заверила Белла и после небольшой паузы спросила: – Скажи, а почему ты меня сначала назвал каким-то чужим именем, Иштар, кажется? – Ут показалось, что в ее глазах опять сверкнул недобрый зеленый огонек.

– Да так, читал книжку одну, – отмахнулся он. – У тебя есть учебник истории, за 4-й класс? И еще за 10-й. Или какой-нибудь справочник.

– Зачем он тебе? Сейчас гляну, или пойдем – сам посмотришь.

Ут вслед за Беллой прошел из зала в другую комнату поменьше, служившую спальней. Напротив двери стоял письменный стол, а над ним висели книжные полки с богатой библиотекой – книг здесь было гораздо больше, чем дома у Ута. Слева у окна находилась большая кровать. Разобранная. Белла перехватила взгляд Ута, скользнувший по белым простыням и покраснела.

– Белла, назови столицу нашей Родины?

– Ты что, сам не знаешь! – вспыхнула было девушка, но вспомнив, в каком болезненном состоянии оказался ее друг, тихо выдохнула:– Москва.

– Понятно, – сделал вид, что не удивился Ут.

– А вторая столица?

– Какая вторая столица? – не поняла сразу девушка. – А-а, ну когда-то был Питер, то есть Петербург, сейчас это город Ленинград. И никакая это не столица.

– А Самарканд?

– Что Самарканд? При чем тут Самарканд?

– Ладно, ладно, ни причем, я так, потом еще поговорим, – успокоил девушку Ут, наткнувшись на книжной полке на «Краткую Советскую энциклопедию».

Он помнил этот справочник, информация в нем была отсортирована по датам, и с ним легко было работать. Правда, назывался справочник «Краткая Тартарская энциклопедия». Впрочем, это было уже не важно.

Ут с волнением открыл страничку с ключевой для Алтын

Тартарии датой «7 ноября 1917 года». Этот день, именуемый Днем Единения, когда прогнали из страны восставших большевиков, а их вождя Ленина отправили обратно в Германию, широко и помпезно отмечался по всей стране. На Ярмарочной площади в Казани – столице Империи – проходил военный парад с обязательным салютом. В Самарканде – второй, восточной столице – тоже запускали салют. Но в справочнике написано было совсем другое...

Лихорадочно пролистав несколько страниц, Ут понял, что революция, о которой на всю Европу кричали большевики, в той жизни, в которой он очутился после Раскола мира, все же удалась. И никто Ленина не прогонял в Германию, – «а-а, вот почему так ополчилась Белла!» – напротив, Владимир Ульянов стал первым правителем нового государства, получившего название СССР – Союз Советских социалистических республик. «Коммунизм у них все же победил», – догадался Ут. Наконец, он добрался и до мучившей его второй день подряд аббревиатуры КПСС, – она расшифровывалась, как «Коммунистическая партия Советского Союза» – это была их правящая партия. Других партий в новой Империи не было. «У нас тоже одна партия – «Единая Тартария», – провел параллели Ут. Через пару страниц он понял, что и до 1917 года история развивалась по-другому сценарию – Империей правил не тартарский каган, а русский царь.

Новая информация плохо укладывалась в голове, она кардинальным образом меняла все представления Ут о своей

стране и мире. Он чувствовал себя инопланетянином, заброшенным на чужую, неизвестную, пугающую его планету.

Чтобы привыкнуть и осмыслить реалии этой неведомой планеты, нужно было время. Но Ут не мог остановиться и взахлеб читал все подряд в этом странном справочнике, его мозг впитывал в себя новые и новые странички, не успевая их, как следует обработать и создать какое-то целостное представление о том странном мире, в который он не менее странным образом попал.

Ут задержал свое внимание на странице, описывающей монголо-татарские завоевания, в справочнике было написано именно так: монголо-татарские, а не тартарские, как привык он. Выяснилось еще, что эти завоевания носили отрицательный характер, и существовало якобы даже какое-то «Татарское иго», отбросившее народы Евразии на много столетий назад и обусловившее их отставание от Европы. Хотя все исторические книги, которые в свое время прочитал Ут, говорили о цивилизаторской роли «Алтын Тартарии», о ее благотворном влиянии на развитие культуры отсталых, полудиких племен и народов Империи.

Ут отыскал в справочнике средневековую карту, подготовленную европейскими картографами, на которой территория большей части Евразии была отмечена крупными латинскими буквами «TARTARIA», ассоциировавшаяся на Западе исключительно с «исчадием ада». Это было понятно для Ут – об «Алтын Тартарии», из которой он загадочным

образом недавно сюда прибыл, тоже нигде в мире не говорили ничего хорошего. Непонятным было другое, почему под «TARTARIA» в Европе подразумевалась не Тартарская империя, а Российская.

Интересно, а какое место занимала Казань в этой новой исторической системе координат?

– Белла, у тебя есть подробная карта нашей страны? – обратился Ут к заскучавшей девушке, сидевшей с задумчивым видом на разобранной кровати и перелистывающей какую-то книжку. На обложке было написано «Алексей Толстой» – Ут знал этого автора, но произведение «Хождение по мукам» ему было неизвестно.

– Там на столе, посмотри, должен быть «Малый атлас СССР».

Да, вот он. «Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Москва, 1973» – прочитал Ут на титульной странице. Общая карта СССР сильно его удивила. Нет, границы Империи остались прежними, но вот названия регионов и городов... Вместо Самар он увидел какой-то Куйбышев, вместо Саратау – Саратов, вместо Симбир – Ульяновск, вместо Хаджи Тархана – Астрахань, вместо Чаллы-Кала – Белгород, вместо Хан-Кермена – Касимов... А Казань была всего лишь столицей крошечного округа вроде Мосхоского улуса, который назывался ТАССР – Татарская Автономная Советская социалистическая республика.

До Ут стало доходить, что Петля времени засосала его

не просто в прошлое, а в альтернативное прошлое, чужое, непонятное, враждебное. Нужно было определить, на каком рубеже произошел слом и история поменяла вектор своего развития. Важно было нащупать этот узловый момент, чтобы понять характер исторических искажений.

И все-таки мозг требовал передышки.

– Интересно? – Ут сел возле Беллы и заглянул в книжку, от которой она не могла оторваться.

– Очень, я ее все каникулы захлеб читала, и даже в Куйбышев с собой брала, когда ездила к тете в гости.

«Так, нужно запомнить: ее тетя живет в городе Самар, то бишь в Куйбышеве», – на всякий случай оставил зарубку в памяти Ут.

– Я так плакала, так переживала! Если автор не соединит сердце Даши с инженером Телегиным, я убить его готова. А ты читал эту книгу?

– Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки,-
Не вспомнила ль о чем? -

– продекламировал Ут.

– Опять ты со своим Фетом!

– О, да ты стала его стихи различать! – снова удивился Ут, он не замечал за Беллой увлечение поэзией.

– Я-то да, а ты даже Алексея Толстого не можешь прочесть, – укоризненно произнесла Белла.

В смартфон, который Ут благоразумно спрятал дома в ящике письменного стола, была закачена практически вся классическая литература, в том числе произведения Алексея Толстого. Но трилогии «Хождение за три моря» в его библиотеке не было. Не было по той простой причине, что «на его планете» Алексей Толстой писал совсем другие книги. Заметив, что Ут слегка сконфужен, Белла подвинулась к нему поближе и, заглядывая в глаза, спросила:

– А хочешь я из своего дневника почитаю?

Да, Ут попал в то далекое время, когда люди вели личные дневники. И Ут тоже, в ящике его письменного стола должна была лежать тетрадка с синим клеенчатым переплетом. "Когда вернусь домой, – дал себе задание Ут, – надо будет ее найти, эти записи помогут мне лучше понять свое прошлое".

Белла не просто вела дневник, но и пробовала перо, сочиняя небольшие рассказы, которые читала иногда Уту. Она наклонилась к прикроватной тумбочке и, достав из нее малиновую тетрадку, открыла ее на одной из последних страниц.

"Я знаю, что будет дальше, – неожиданно у Ута всплыл в памяти полувековой давности эпизод. – Сейчас она встанет и пойдет на кухню, чтобы принести стакан воды, а я тем временем пробежусь глазами по открытой странице дневника. И то, что я там прочту, мне не понравится".

Все случилось именно так, как предполагал Ут.

– Я сейчас, – сказала Белла и действительно пошла на кух-

ню.

Ут не стал ничего читать, он и так все вспомнил. Белла описывала, как она ездила в Самар, то бишь в Куйбышев, в гости к своей тетке, и как она за трое суток пути отлежала все бока на жесткой полке общего вагона. Но самое неприятное – Белла писала, как весело она проводила время в компании молодых попутчиков и как ей понравился молодой светловолосый паренек, который беспрестанно делал ей комплименты.

Давно забытая ревность вдруг вновь больно скребнула сердце.

Из тетрадки Беллы выглядывал край хорошей мелованной бумаги, служившей в качестве закладки. Краем глаза Ут успел зацепить фразу, набранную печатным шрифтом: «Если это правда – помоги мне. Очень и очень тебя об этом прошу, мой телефон на конверте». Это было окончание какого-то письма, но Ут его не помнил. Точнее, он не помнил, что видел эту закладку в своей далекой юности, но сама фраза ему показалась знакомой. Он где-то ее слышал или читал, причем совсем недавно.

– Хочешь пить? – девушка вернулась из кухни со стаканом воды, в котором плавали кубики льда из морозильной камеры холодильника.

Было душно, и на самом деле мучила жажда. Но Ут отказался. Как всякая любящая женщина, чутко улавливающая малейшие перемены в настроении своего возлюбленно-

го, Белла мгновенно оценила ситуацию и, захлопнув тетрадку – "потом почитаем", села рядом с ним на кровать и прикоснулась к его пересохшим губам своими влажными губами. Он почувствовал на них прохладу воды, но уже через несколько мгновений ее губы стали горячими.

– Подожди, – произнесла Белла задыхающимся голосом и, освободившись от рук Ут, встала и стала быстро снимать через голову свое яркое с желто-синими ромашками платье.

– Не смотри, – Белла, стыдливо прикрывая свои белые полные груди руками, быстро юркнула под простынь, придвинувшись к стенке, чтобы высвободить место рядом с собой.

Но Ут все равно успел разглядеть ее розовые соски и почти такого же цвета трусики с бантиком посередине лобка.

Ут тоже разделся до трусов и скользнул под простынь, его бок и левое бедро соприкоснулись с разгоряченным телом девушки. Но такая позиция показалась ему неудобной, он осторожно перевалился через нее, задевая ее высокие груди, и занял место у стенки, – Ут привык, что женщина всегда находится в постели по правую руку от него.

– Ты все помнишь, – одобрительно заметила Белла.

Так Ут почувствовал себя комфортнее. Он ощущал тяжелое дыхание Беллы, ее теплое бедро, по которому пробежала легкая волна. Ут медленно провел свою правую руку под ее приподнявшуюся шею и обнял ее нежное плечо. Девушка напряглась, Ут почувствовал, как вытянулись ее ноги и под-

нялась грудь. Он хотел прикоснуться к ней левой свободной ладонью, но на полпути остановил движение своей руки...

Ут не помнил, какие любовные ласки они допускали в постели друг с другом, и потому старался не совершать лишних движений, чтобы не испугнуть своей искушенностью неопытную Беллу. Он знал, что они всегда останавливались перед последним барьером, оставаясь целомудренными...

... Волосы Беллы пахли полевыми цветами. Ут целовал ее полуоткрытые губы и сомкнутые веки, крепкими объятиями прижимая девушку к себе. Белла прерывисто дышала, ее тело начало дрожать, послышался легкий стон...

Ут, не выдержав напряжения, резко отстранился от полуобнаженного тела девушки и, отворачиваясь от него, сел на конце кровати спиной к Белле, обхватив руками свои голые колени.

– Что, опять? – Белла тоже быстро привстала, обнимая сзади Ут за плечи. – Я понимаю, что тебе трудно. Но пойми меня тоже, я не могу, не могу... нельзя... нельзя, понимаешь. .. это будет не правильно. Но у нас с тобой обязательно все будет, – жарко шептала она ему в ухо, продолжая какой-то давний неоконченный разговор, и вдруг добавила слова, которых он не помнил. – Совсем скоро, потерпи, милый...

В эту минуту дверь в спальню неожиданно отворилась и в ней показался силуэт какой-то очень полной и высокой женщины. Увидев полуголые тела, она тихо вскрикнула «Ах!»

и, хлопнув дверь, убежала.

Ут не удивился и не испугался – он помнил этот случай. Убежавшая женщина была ее мамой, раньше времени вернувшейся со смены. Он знал, что эта неприятная история не будет иметь никаких последствий.

Но Белла сильно переживала.

– Какой ужас... какой кошмар! Она же подумала... она подумала... – захлебывалась в рыданиях девушка, – что у нас с тобой все было, а у нас с тобой ничего не было!

Ут убирал слезы с побледневшего лица Беллы и утешал, как мог:

– Ничего она не подумает, мы ей все объясним, и она поймет, – Ут не собирался оставлять девушку одну в столь трудную для нее минуту, и стал вместе с ней дожидаться возвращения ее матери, хотя знал, что она не придет.

– Так она и поверит!

– Конечно, поверит. Мы же ничего плохого не делали.

Ут до самого вечера успокаивал девушку, и ушел домой лишь после того, как она его сама настойчиво выпроводила.

4. Ночной полет

Вернувшись домой от Беллы, Ут мгновенно уснул, как только прикоснулся головой к подушке. Но среди ночи как будто проснулся, и с ним приключилась совершенно фантастическая история. Возможно, это был лишь сон, хотя Ут до мельчайших подробностей помнил все, что с ним произошло в ту загадочную ночь.

Сначала что-то хрустнуло в основании позвоночника, Ут почувствовал легкое дрожание у самого копчика, потом вибрация пошла вдоль всего позвоночного столба. Позже, анализируя эти странные ощущения, он сравнил их с гудением мотора. Тело неожиданно оторвалось от постели и медленно поднялось к потолку. Ут не успел даже испугаться, пугаться и не хотелось, напротив, это было какое-то приятное чувство почти бестелесной невесомости. Повесив немного под потолком, Ут освоился со своим новым состоянием и попытался пошевелить ногами и руками, которые он едва ощущал. Очень скоро он выяснил, что может управлять своим превратившимся в легкую пушинку телом. Стоило лишь немного пошевелить рукой, как тело начинало двигаться в воздухе; он мог опуститься ниже, к самому полу и подняться снова вверх, повернуть влево или вправо, он мог также управлять скоростью полета, убыстрять его и замедлять.

Ут помнил свои детские ночные полеты, их переживал,

наверное, каждый ребенок. Бабушка ему говорила: «тенне летать итсээн – расти будишь, улым». Но то были какие-то смутные впечатления, абсолютно не сравнимые с тем, что он переживал сейчас.

Ему наскучило летать по тесной спальне, Ут вплотную приблизился к толстой бетонной стене и легко, как сквозь воздушную пленку, просочился наружу. Оказавшись на улице, он поднялся немного вверх над фонарями и, резко повернув влево, стал плавно парить вдоль улицы Тукая. Черный асфальт, освещаемый тусклым светом уличных фонарей, матово блестел в ночи. Ут наращивал скорость своего полета и взмывал все выше и выше, к самим звездам, ярко и крупно горевшими на ночном небе. В ушах жужжал горячий ветер, Ут с бешеной скоростью уносился в бездонную тьму Вселенной, душу его переполнял дикий восторг!

Через некоторое время полет стал замедляться, словно в баке закончилось топливо. Ут медленно снижался. Тьма редела, небо становилось светлее и светлее, пока не стало совсем голубым. Внизу показались шатровые крыши домов, над которыми возвышались каменные башни минаретов, купол и уступы мечети, окруженной небольшими башенками. Ут незаметно приземлился возле одной из башенок, тело его, облаченное в зеленый кафтан и серые шаровары, вновь обрело свою земную плоть.

Солнце стояло в зените, вокруг мечети толпился народ – правоверные готовились к полуденному намазу, совершая

прямо здесь, у стен храма, необходимое ритуальное омовение. Ут узнал это место – это была главная соборная мечеть Казани, расположенная неподалеку от дворца кагана. Но вид строений, булыжная мостовая, одежда и облик людей, фырчанье лошадей, запряженных в повозки, запах сена и сам воздух, которым дышали верующие возле храма – все это явственно указывало на то, что это была средневековая Казань, а не та, которую покинул пару дней назад Ут.

– Посторонись! – раздался зычный голос, и на каменную площадь перед мечетью влетел всадник на черном коне, пересекая вокруг себя воздух ногайской плеткой.

Ут вспомнил древнее тюркское поверье о том, что «шайтан боится желтой камчи». Но плетка у гонца была черного цвета. Вслед за ним на мостовую въехала группа всадников во главе с сановитым господином, гордо восседавшем на быстроходном ахалтекинце священной белой масти.

– Каган, каган, сам Кул Ашраф приехал, – зашушукала толпа, расступаясь, чтобы дать дорогу конному отряду.

Господин, которого называли каганом, внимательно оглядел склоненные в низком поклоне головы своих подданных, и вдруг его зоркий взгляд выхватил одно застывшее лицо, забывшее или не умевшее правильно поклониться.

– Приведите его ко мне, – серебряная рукоять дорогой кожаной камчи указала на Ута.

Главная резиденция кагана находилась за пределами Казани, но здесь у него тоже был свой дворец. Ута завели в

богато убранное помещение, похожее на юрту – кунакхану, комнату для гостей, слабо освещенную едва пробивающимися сквозь узкие оконца лучами солнца. Ее купол был украшен разноцветными изразцами, доставленными из Самарканда, в глубине виднелась еще одна дверка, ведущая в тахаратхану – место для омовений.

Из нее вскоре показалась поджарая фигура Кул Ашрафа, облаченного в расшитый бисером зеленый шелковый халат. На широком пурпурном поясе висел отсвечивающий позолотой болгарский меч.

Кагану ночью приснился сон о Кул Гали, которого он весьма почитал, и даже в знак особого уважения взял его псевдоним «кул», то есть «раб» – раб своего народа. Правитель уважал его не столько за литературный талант, хотя за него тоже – кто же не наслаждался вдохновенными строчками божественной поэмы «Кыйса-и Йосыф»! Но главное, что ценил каган в этом легендарном аулие (святом мученике), жившим на священной болгарской земле тремя веками ранее, – это его дар предвидения и «умение говорить с Небом». Когда «вождь мэнхолов, или по-чински «татар» – Чингиз – вторгся в Хорезм», поэт уже знал, как плачевно это обернется для Державы. Кул Гали 45 дней держал оборону в осажденном мэнхолами Биляре. Говорят, его собирались казнить вместе с другими защитниками тогдашней столицы. Но кто-то крикнул захватчиком: «Казнь аулии принесет мэнхолам несчастье!» И суеверный Батый отступился...

И вот дух аулии сегодня ночью сказал ему: «Поезжай в Казань, перед полуденным намазом, у входа в соборную мечеть тебя будет ждать человек, он принесет весть, которая может оказаться полезной для Державы».

– Как твое имя, чужестранец? – приблизился Кул Ашраф к гостю.

– Утигур, – сказал Ут.

– Так ты хон! – удивился каган. – Тогда почему так плохо говоришь на нашем языке?

– Я много лет провел на чужбине, – нашелся Ут.

Сухое лицо кагана сохраняло бесстрастное спокойствие. "Если с него снять чалму и халат, облачить в современный костюм, то он принял бы вид вполне интеллигентного профессора", – подумал Ут.

– Ты мусульманин или придерживаешься старой веры? – продолжил расспросы каган.

– Я верую в Тенгри, – ответил пленник .

– Значит , ты не дервиш.

– Нет, не дервиш, – согласился Ут.

– Да, наши предки говорили: "Мы не горшечники, не купцы и не странники. Мы – воины. А потому не можем верить в ваших богов. Наш Бог Тенгри". Возможно, они были и правы. Но сейчас уже ничего не изменить, – грустно и устало, как давно обдуманную и выстраданную вещь, сказал каган.

– Ты голоден?

– Нет, но чаю бы выпил.

– Чай? У нас пьют кумыс, но желание гостя – закон. Наши купцы стали лишь недавно привозить чай из Китая через Шелковый путь. Завари ему из последней партии, – приказал каган словно из под земли возникшему слуге.

В это время уже звучал громкий голос азанчи:

– Хайя алас-саляти, хайя алас-саляти – спешите на молитву, спешите на молитву!

– Хайя алаль-фаляхи, хайя алаль-фаляхи – спешите к спасению, спешите к спасению...

Каган не проявил никаких признаков торопливости ни в движениях, ни в словах, он поднял руки к лицу и проговорил, слегка распевая, подходящие для этого случая арабские слова:

– Ля хауля ва ля куввата илля биль-Ляхи Алий-иль-Га-зыйм! – Нет силы и могущества ни у кого кроме Могучего Всевышнего Аллаха! – и, отстегивая на ходу меч, отправился на молитву.

Слуга оказался православным славянином – он был освобожден от святой обязанности каждого мусульманина совершать ежедневно пятикратный намаз, поэтому его и оставили ухаживать за гостем. Он очень удивился, когда Ут заговорил с ним по-русски, он почти его не понимал, но тоже постарался говорить на какой-то дремучей тюркско-славянской смеси:

– Какой чай изволит пить господин? – и уточнил уже похонски, – Кара, кук?

Ута всегда удивляло, почему зеленый чай называли "кук", что по-хонски означало "синий". "Может, потому, что этот сорт чая считался драгоценным напитком небесного происхождения", – выдвинул догадку Ут.

Слуга принес огромный фарфоровый чайник и поставил его рядом с хурмой и сушенными фруктами на низенький столик – куна, жестом пригласив к нему гостя. Когда Ут уселся на мягкие подушки, слуга, соблюдая все церемонии, поднес левую руку к сердцу, а правой подал гостю голубую китайскую касу с горячим чаем. Ут так же чинно, памятуя о том, что левая рука является «не чистой» – харам, правой рукой принял подношение.

Ут наслаждался тонким ароматом светло-зеленого с золотистым оттенком напитка, вновь и вновь прокручивая у себя в голове недавнюю сцену встречи с Кул Ашрафом возле соборной мечети.

Ему показалось, что в тот момент, когда охрана кагана подхватила его и повезла во дворец, в толпе промелькнуло чье-то знакомое женское лицо. Даже не лицо, а широко раскрытые, о чем-то сожалеющие глаза, поскольку остальная часть головы была покрыта белым платком. Эти глаза так ему запомнились, потому что были какого-то странного изумрудно-зеленого оттенка...

После молитвы лицо кагана несколько смягчилось, приобретя более умиротворенный вид. Слуга кинулся обслуживать своего господина. Кул Ашраф, отхлебнув глоток чая из

глубокой пиалки, сказал:

– Князь Иван, потомок уруса Дмитрия и чингизида Бердибека, рвется со своими мосхоскими татарами к Казани. Дух аулии сказал мне, что ты должен передать важную весть.

– Не отталкивай от себя алатских татар, помирись с болгарскими уланами.

При слове "алатцы" у кагана передернуло лицо, будто оно причинило ему физическую боль. Но он быстро справился со своими эмоциями.

– Это всё?

– Всё, – подтвердил Ут.

– Хорошо, чужестранец, – каган не хотел признавать в нем соплеменника. – Я подумаю над твоими словами...

В Проектном бюро планетарных исследований

– Разрешите, поздравить вас, коллеги, с наступлением 12-й эры Набу, – невыразительным монотонным голосом открыл совещание начальник отдела «Центр» Проектного бюро планетарных исследований, облаченный в голубые брюки и такого же цвета куртку. – За прошедшие 3600 лет мы сумели удержать Планету в заданных параметрах, хотя и не без некоторых отклонений, о которых я и присутствующие здесь уважаемые эксперты Верховного совета расскажем позднее. В этом есть несомненная заслуга и нашего отдела, которому доверен контроль за ключевым Центральным регионом.

Помимо Центрального в Бюро еще были Западный, Восточный и Островной отделения, а также секретный отдел с несколько возвышенно-поэтическим названием «Обитель богов», в котором трудились самые опытные элитные технологи. Рядовые работники туда не допускались и пребывали в неведении, чем занимались в «Обители богов».

Повод, по которому было созвано Экстренное совещание кураторов всех Зон был неприятным, особую нервозность создавало присутствие на собрании вьедливых экспертов Верховного совета. Поэтому основной докладчик не знал, как поступиться к главной теме. Проблема заключалась в том, что Планета, точнее Центральная зона, которую

курировал возглавляемый им отдел, несколько изменила намеченную для нее траекторию исторического движения. И ни он сам, ни его сотрудники пока не могли назвать причину, по которой произошел сбой. Собравшись духом, докладчик наконец сказал:

– Должен сообщить вам, уважаемые коллеги, пренеприятнейшую новость – мы не смогли выполнить поручение Верховного Иерарха, – при этих словах куратор Центральной зоны поднял указательный палец кверху.

Дальше, когда была произнесена главная фраза, стало легче. Докладчик лаконично и профессионально обрисовал создавшуюся картину. События в Центральной зоне успешно развивались по заранее разработанному плану А. Однако Верховный Иерарх, изучив аналитические записки своих помощников-экспертов, пришел к выводу, что для Центральной зоны более благоприятным вариантом развития являлся бы план В. Он попросил куратора зоны рассмотреть возможность перехода к этому плану. Аналитики отдела такую возможность изыскали, определив несколько ключевых узлов, воздействуя на которые можно было изменить траекторию движения исторических событий в подведомственной им зоне. Проект с успехом был осуществлен. Однако некто Х вмешался в их планы и восстановил «status quo», то есть вернул ход истории к первоначальному варианту А.

После этого докладчик, как требовал того протокол, передал слово экспертам.

– Разумеется, нам нужно во что бы то ни стало отыскать этот загадочный объект X, – энергично начал свое выступление высокопоставленный сотрудник, чей голубой костюм был чуть темнее костюма предыдущего оратора. – Найти и примерно наказать! А чтобы впредь такого не повторялось, необходимо ужесточить контроль за действиями лиц, организаций и этнических групп, внесенных в новый реестр и утвержденный недавно Верховным советом. Никто кроме нас не имеет право и не должен вмешиваться в ход истории.

Но хочу вас успокоить, коллеги, ничего страшного, если иметь в виду наши конечные задачи, не произошло, суть исторического процесса от этого неприятного инцидента в Центральной Зоне и в глобальном масштабе не изменилась. Как была Тартария, так она и осталась, только снова поменялись ведущий этнос и господствующая идеология. Если были русы и христиане, то стали тартары и мусульмане. В этом отличие пути В от пути А, хотя, конечно, вариант В для нас был бы предпочтительнее, поскольку он менее фундаментален и устойчив. В ближайшее время мы вернемся к нему. Сейчас наши специалисты над этим работают.

Но никакой угрозы, повторяюсь, для нашей главной святой цели этот исторический поворот не представляет. Скорее, всего, данный инцидент был случаен, хотя, как вы понимаете, когда случайности повторяются, они превращаются в закономерность. Поэтому наш враг будет найден и уничтожен.

Тон у эксперта Верховного совета, подготовившего те самые злополучные записки Верховному Иерарху, был, кажется, доброжелательным, и виновник «разбора полетов», опасавшийся, что из него сделают козла отпущения, несколько успокоился. На закрытом заседании Верховного совета ему и так уже досталось по первое число.

– Я не буду вдаваться подробно, – продолжал между тем эксперт, – в этимологию слова "тартар" или «татар». Кому интересно – посмотрите раздаточный материал. Нам абсолютно не важно, кто такие татары, так же, как и русы, угры, отяки и иже с ними. Нам совершенно не важно, какое государство (не без нашей помощи, конечно) они создадут в своих евразийских степях – Великую Татарию, Великую Русию, Великую Угорию или еще какое другое великое, по их мнению, государство, в назначенный час все они окажутся у наших ног. Но ваша задача, кураторов Центральной зоны, поставить на Евразии клеймо. Необходимо, чтобы населяющие эти земли племена, все эти так называемые русы, татары, угры, во-первых, вечно враждовали и воевали друг с другом, а во-вторых, воспринимались другими народами не иначе, как "поганые", "дикие", "варвары". И как бы они себя не вели, какие бы подвиги не совершали, их Орда в цивилизованной Европе (мы временно отвели Европе эту роль), все равно будет восприниматься, как Тартария – исчадие Ада. И разрушение этой Империи зла совсем не грех, а высочайшее благо! Мы должны помочь всем, кто захочет это сделать. Такова

часть нашего общепланетарного плана, обсуждать который сейчас – не время и не место. И здесь есть еще над чем работать. Перечитайте античных историков Аммиана и Джорданеса, вот у кого вам нужно учиться!

Единственную опасность для нашего святого дела, предупредил далее докладчик, нужно видеть в пути С.

– Нам не страшен, повторюсь, ни тартаро-русский путь А, ни русско-татарский путь В – это воплощение наших ранее подготовленных сценариев. Но вот путь С может доставить весьма серьезные проблемы, и малейшие отклонения в его сторону должны душиться в зародышевом состоянии.

– А чем он опасен, этот путь С, и каковы его характерные особенности? – раздался вопрос из зала.

– Любой неконтролируемый путь опасен. Но об этом более подробно расскажет мой глубокоуважаемый коллега из отдела Обитателей Богов. Прошу! – докладчик сошел с трибуны, уступая место следующему докладчику.

Одежда аналитика из секретного отдела была уже не голубого, а синего цвета. «Ситуация, похоже, серьезно встретила Верховного Иерарха, – поежился начальник отдела Центральной зоны, – если на нашем собрании собрался выступать технолог столь высокого ранга».

Взобравшись на кафедру, высокопоставленный оратор устремил немигающий взгляд из под больших очков с толстой оправой поверх одинаково коротко остриженных голов с узкими вытянутыми черепами. Что он там высматривал на

чисто белой, как в больничной операционной, стене? Развалины древней Меотиды и колыхающуюся в зыбком воздухе ковыль окружающих ее степей?

– В постсамарскую, – заскрипел он противным высоким голосом, – или, как говорят земляне, в постшумерскую эпоху, ошибочно признавая Великую Шумерскую цивилизацию своим порождением, на территории Меотиды нами были обнаружены процессы, вызвавшие определенную тревогу. Небольшой группе племен тогда удалось спастись от так называемого Всемирного потопа и укрыться в болотах Меотского моря. Эти племена поклонялись не пантеону установленных нами богов Дингир, а какому-то своему Тенгри (схожесть звучания этих слов поначалу сбила с толку наших аналитиков). Также они взывали к природным духам – алпам, существовавшим на Планете еще до появления Самарской цивилизации...

Именно этой цивилизации, которая считалась давно разрушенной, и служило Бюро проектов планетарных исследований, ожидая ее посланцев из системы Нибур в конце 12-й эры.

– Вожди этих полудиких племен, тесно соприкоснувшись с Самаром, овладели частью наших знаний, в том числе технологией управления историческими процессами, – продолжал оратор. – Нам постепенно удалось локализовать проблемные очаги. Маловероятно, что вариант С, смертельно опасный для Нибура, о чем говорил мой коллега, имеет шан-

сы на возрождение. Но бдительность терять нельзя. В свете последних событий это становится особенно актуальным. Необходимо как можно быстрее вычислить объект X, – докладчик многозначительно посмотрел в сторону начальника Центрального отдела.

– Мы сейчас как раз этим занимаемся, – быстро соскочил тот со своего стула.

– Нужно активизировать усилия!

– Всенепременно, – подобострастно заверил начальник отдела.

– Тогда позвольте на этом завершить наше совещание. За работу! Зи Дингир Анна Канпа!

– Дух, Бог Неба, помни! – дружно повторили приглашенные на собрание сотрудники Бюро проектов, вставая и направляясь к выходу из конференц-зала.

Начальник Центрального отдела побежал провожать высоких гостей, бросив на ходу своему помощнику «Не отпусти Изу, пусть она зайдет ко мне, я скоро буду».

Помощник был облачен в такого же покроя костюм, как и его начальник, только не голубого, а серо-стального цвета. Степень синевы определяла статус сотрудника, чем синей был цвет спецовки, тем более высокую ступень он занимал на служебной лестнице. Говорят, что Верховный Иерарх, которого никто никогда не видел, носил костюм темно-фиолетового цвета.

Что касается Изы, она работала спецагентом в отделе

«Центр». Спецагентам спецформа не полагалась. Полное имя агента было Изабелла, хотя она предпочитала другое имя – Иштар. Так звали знаменитую правнучку Великого патриарха Ану, и Иза считала, что в ее жилах течет кровь Иштар, но ничем подтвердить этого не могла. Иштар славилась необычайным коварством, хитростью и непомерным сексуальным аппетитом. Она соблазнила даже своего прадеда, за что получила от него в подарок управление крупным восточным городом.

Но еще более блестящую многоходовку она провернула с одним из сыновей патриарха – Энлилем. Она его тоже уложила в постель, но представила дело так, будто бы Энлиль ее изнасиловал. Плутовке поверили и «насильника» сослали в далекую ссылку. Потом Иштар изменила показания и, вызволив сына патриарха из заточения, заставила на себе жениться. В результате, приблизившись ко двору Ану, Иштар заполучила статус Верховной правительницы.

Иза, как и доисторическая Иштар, владела всеми видами тайного оружия, главным из которых была ее сексуальная энергия, которая при случае могла скрываться под образом белой, пушистой, невинной овечки.

Являясь ценным спецагентом, она выполняла особо важные задания. На ее счету была не одна блистательная операция, самая масштабная из которых – участие в завоевании и разрушении Хазарского каганата, который пал жертвой в том числе женского коварства и хитрости.

– Я вот для чего попросил вас остаться, – начал беседу вернувшийся начальник. – Вам нужно поработать с одним объектом, угодившим в Петлю времени – его имя недавно включено в нашу базу данных под кодовым названием Объект U.

– Объект нужно соблазнить или уничтожить? – сверкнула Иза своими безжалостными изумрудно-зелеными глазами.

– Если бы нам было нужно его просто ассенизировать, он давно бы уже лежал в могиле. Однако уничтожить человека абсолютно мы, к сожалению, не можем – дух его не уничтожим. Вам нужно втереться к нему в доверие, очаровать, обольстить, вы должны стать женщиной его Мечты – не мне вас этому учить. Не страшно, если у объекта уже есть образ или образы любимых женщин, используя их, вам легче будет проникнуть в его внутренний мир. Необходимо изучить его чувства, мысли, планы, переживания, привязанности, сильные и слабые стороны, – короче говоря, нам нужно знать о нем все. Возможно, объект обладает какими-то знаниями и навыками, которыми простой смертный обладать не может и не должен. Надо выяснить, каким образом эти знания, если они, конечно, ему доступны, к нему попали, есть ли у объекта ученики и последователи. Работать надо очень осторожно, на уровне тонких материй. Если объект действительно обладает спецнавыками, он вас вмиг вычислит, и вы сорвете задание.

– Вы думаете, Объект U – это и есть неизвестный мистер

Х?

– Пока не знаю, с вашей помощью мы как раз это и попытаемся выяснить. Попутно будет решаться еще одна задача– испытание нашей новой разработки по пространственно– временным искажениям.

– Вы имеете ввиду проект «Кольцо времени», – догадался спецгент.

– Именно, «Бег по замкнутому кольцу», – подтвердил начальник. – Если объект нельзя уничтожить, значит, нужно зациклить его во временном отрезке, тогда он станет для нас совершенно безвредным. Справитесь?

– Ни га ти, – пообещала Иза по-самарски. – Разрешите выполнять?

– Подождите, это еще не все, – начальник протянул агенту конверт. – Здесь письмо, предназначенное для вашего объекта. Вообще-то, документ под кодовым названием «Яд любви» универсален, и применим для всех особей мужского пола. Но наши психолингвисты готовили «Яд любви» именно для Объекта У, тщательно исследовав его психофизические особенности. Внимательно изучите документ, вы должны соответствовать описанному в нем образу. При удобном случае вручите объекту письмо, возможно, это сработает. Мы организуем встречу с объектом по упреждающей временной шкале, в общем, будем действовать на опережение .

А теперь – за дело. Удачи!

Ядовитое послание для объекта U

"Я понимаю, что я поступаю неправильно. И, может быть, я потом об этом пожалею.

Но поймите мое отчаяние, мою надежду на последний шанс, который, может быть, выпал в моей жизни.

Нет, все не то, я не знаю, не могу высказать то, что хочу. Мне стыдно.

Но я должна. Я не знаю, кто вы и как вы отнесетесь к моей ситуации. Но я сегодня утром была в замешательстве. Я точно знаю, что вслух эти слова никогда не произнесу. Поэтому я решила написать вам письмо.

Скажите, вы верите в сны? Я тоже не верила. До сегодняшнего дня. А теперь не знаю: верить или нет?

Мне приснился сон. Это даже был не сон. Это как будто бы происходило со мной наяву. Возможно, кто-то там, Кто выше нас, наконец, услышал меня и послал мне этот сон. Хотя, как я уже сказала, это был не сон.

Я так долго обо всем говорю, потому что боюсь сказать о главном. Но я все равно скажу, только ты, – можно я буду говорить тебя "ты", мне так хочется! – не торопи меня.

Женщина сделана из ребра Адама, из ребра мужчины. Во всяком случае, так сказано в Библии и в Коране.. Если я и сделана из чьего-то ребра, то из твоего. Я это знаю точно. Мне об этом приснился сон. Но до этого я тебя увидела слу-

чайно сегодня утром в китайском ресторане, и уже тогда все поняла... Поэтому я знаю, я уверена – о, сколько лет я не была такой уверенной! – что ты все поймешь. Потому что ты – это я.

Но если это не так, я не знаю, как дальше жить...

Поэтому я тебе хочу сказать все. На самом деле все банально, и это больше всего меня бесит. Я – синий чулок, мне 36 лет, и я...

Я... меня консультировали лучшие врачи. И никто из них не нашел никаких изъянов. Я абсолютно здорова. И в то же время я неизлечима больна. Потому что меня совершенно не интересуют мужчины. Вернее, не интересовали до сегодняшнего дня. Я не могу никого к себе допустить. "В чем тут проблема?" – спросишь ты. Ведь есть очень много таких женщин: монахинь, фригидных, которых никогда не касались мужчины.

Но я не фригидна. Я наоборот, наверное, очень страстная женщина. И в этом моя проблема. Если бы я была фригидна, я посвятила бы себя благотворительности, как мать Тереза, и была бы счастлива.

Но моя плоть разрушает меня, и я не могу, я устала с ней бороться. Мое тело просит, каждая клеточка моего организма всегда, каждую минуту, каждую секунду просит мужчину. И из этого нет исхода. Наверное, я в душе проститутка. И если бы я была ею на самом деле, была бы, наверное, счастлива. Но я не могу, передо мной какой-то барьер, ты не думай,

что я не пыталась его преодолеть, очень и очень много раз пыталась, но уже на дальних подступах, когда даже еще ничего не было, что-то со мной происходило, я вся зажималась и просто позорно убегала, оставляя моего очередного партнера в полном замешательстве. Никогда, понимаешь, никогда, ни разу в жизни этого у меня не получалось!

Потом, в одиночестве, я снова переживала эти минуты... Но, пойми, я не могу всю жизнь оставаться одна, мне нужен кто-то еще, мне нужен мужчина, мой мужчина, чтобы я его не боялась, и чтобы мне с ним было хорошо. Я знаю, я чувствую, как это может быть хорошо, хотя никогда не испытывала этого чувства. Но за это чувство я отдала бы свою жизнь. Вот такая я плохая женщина.

Да, я была у врачей и у психологов. У лучших врачей и лучших психологов, но никто из них мне не смог помочь.

И вот вчера ночью, как и прежде, я была в отчаянии... На какую-то секунду я забылась. И тут приснился мне ты...

Мистика, чушь? Ты мне не веришь, да? Но все было именно так, поверь, иначе, зачем бы я стала подключать всех своих друзей, чтобы узнать, где остановилась группа болгарских ученых, приехавшая в Вену на исторический конгресс!

Я тебе сказала все, и полностью доверяюсь тебе. Пусть будет так, как будет. Извини, наверное, я сошла с ума, но у меня ничего другого не остается, как только поверить этому сну. Ты – моя последняя соломинка. И поэтому, я сегодня позвонила, не зная даже куда и кому. Но если ты сейчас чи-

таешь это письмо – значит, все оказалось правдой.

Если это правда – помоги мне. Очень и очень тебя об этом прошу, мой телефон на конверте. Больше так жить я не могу".

5. Мир остановился

Из тетрадки Беллы выглядывал край хорошей мелованной бумаги, служившей в качестве закладки. Краем глаза Ут успел зацепить фразу, набранную печатным шрифтом: «Если это правда – помоги мне. Очень и очень тебя об этом прошу, мой телефон на конверте». Это было окончание какого-то письма, но Ут его не помнил. Точнее, он не помнил, что видел эту закладку в своей далекой юности, но сама фраза ему показалась знакомой. Он где-то ее слышал или читал, причем совсем недавно.

– Хочешь пить? – девушка вернулась из кухни со стаканом воды, в котором плавали кубики льда из морозильной камеры холодильника.

Было душно, и на самом деле мучила жажда. Но Ут отказался.

Стоп, стоп!.. Ут вдруг показалось, что все это уже с ним было... И не один раз... Словно он шел по одному и тому же кругу и переживал одни и те же события и впечатления. Ут внутренне напрягся и каким-то невероятным усилием воли произвел какой-то щелчок. И – бац! Мир остановился!

Мир действительно остановился. Белла застала с протянутой рукой, в которой был зажат стакан с водой. Ее фигура стояла совершенно неподвижно, как в детской игре: «Раз, два, три – фигура, замри!».

Но сам Ут мог вполне уверенно передвигаться по комнате. Он вышел в зал и взглянул на стенные часы. Маленькая стрелка прилипла к цифре «1», а большая приближалась к «12». Но на самом деле она не двигалась. Ут долго за ней наблюдал, нет, стрелка застыла, как приклеенная. Время тоже остановилось.

Ут открыл балконную дверь и с высоты четвертого этажа стал наблюдать за тем, что происходило на улице. Но там тоже ничего не происходило, никого движения. Редкие прохожие, как оловянные солдатики, замерли на тротуаре. Машины тоже остановились, как будто водители одновременно нажали по тормозам. Зеленые листочки на деревьях не подавали никаких признаков жизни, на синем небе неподвижно застыли большие белые, как хлопок, облака.

Ут вышагивал из комнаты в комнату в этом остановившемся неподвижном мире и размышлял. Он уже почти ничему не удивлялся. Ему уже не казалось странным, что он научился летать и перемещаться во времени и пространстве, он был уверен, что если захочет, то снова куда-нибудь улетит. «Кстати, надо попробовать», подумал он. А вот теперь он научился останавливать время. Интересно, а получится вновь его запустить?

Он вернулся в спальню и, приблизившись к застывшей фигуре Беллы, вновь совершил внутреннее усилие. Произошел знакомый щелчок – девушка задвигалась и заговорила:
– Хочешь пить?

Щелк! И Белла опять застыла, уже в другой нелепой позе, приподняв левую ногу над полом. Ут внимательно пригляделся к ней, ему показалось, что в облике девушки что-то изменилось. Ну да изменилось! Ее глаза! Если они были зелеными, то теперь стали голубыми. Странно... Ут начал вспоминать, а какого цвета у Беллы были глаза в юности? Голубые, точно голубые! А почему они до этого были зелеными? Это предстояло выяснить.

Ут стал оглядываться вокруг себя, может, что-то еще изменилось? Да! Исчезла закладка, закладка-письмо из дневника Беллы! Ут продолжал исследовать окружавшие его предметы и пространство, пройдя на кухню, балкон, зал... Все вроде оставалось на своих местах, часы не тикали, люди и машины не двигались, деревья не колыхались...

Но что это?.. Плакат, плакат на стене здания, кажется, это была больница, такими плакатами был обвешен весь город. Один из них Ут уже видел на Центральной улице. Ему показалось, что плакат на здании больницы колыхался на ветру. Все кругом было неподвижным, а плакат колыхался!.. Причем, с каждым колыханием, менялся текст: ... Слава КПСС ... Слава кагану... Слава КПСС ... Слава кагану...

Усевшись на диван в зале, Ут стал приводить в порядок свои мысли. Нужно было срочно найти ответы на возникшие вопросы. Почему меняется содержание плакатов?.. Возможно, мир остановился на перепутье, мир не знает, в каком направлении ему пойти: или по пути «Слава КПСС» или по

пути «Слава кагану». Поэтому время остановилось?

Ут взглянул на часы. 12.58 – да, с момента последней остановки стрелки ни на секунду не шелохнулись.

Запускать и останавливать время Ут вроде научился. Только какое время запускается: историческое или альтернативное? Это не трудно установить, достаточно взглянуть на плакаты.

Так, с этим разобрались. Теперь нужно разобраться с Беллами. Почему их две? Одна с зелеными глазами, другая с голубыми. У зеленоглазой было какое-то письмо, у голубоглазой его не было. Если запустить сейчас Беллу с голубыми глазами, может быть, время выйдет из закольцованного круга и потечет в нужном направлении. «Может быть, может быть, – бормотал Ут, – надо попробовать».

Тем более ничего другого не оставалось, не оставаться же вечно в этом безмолвно застывшем мире. Но сначала, пользуясь тишиной, шаг за шагом, во всех деталях и подробностях необходимо восстановить ход недавно минувших событий...

Итак. Сначала он вернулся на остров Бержуд, оттуда летал в Бургас и в Вену... Потом... Да, потом, на остров вроде бы упал метеорит, возможно, ничего и не падало, просто Ут каким-то неизъяснимым образом оказался в своем прошлом. Встретил отца и мать... Девушку Беллу... Потом был ночной полет. Встреча с Кул Ашрафом... И...

И опять возвращение на остров. Метеорит. Мать, отец,

Белла. Ночной полет. Кул Ашраф. И...

И – снова Бершуд... События шли по одному и тому же заколдованному кругу. А что было до этого, до того, как он угодил, как сейчас выясняется, не просто в Петлю времени, а еще и в Кольцо времени?

Начнем сначала. Сперва он находился на острове Бершуд... Потом, потом... к нему приехала племянница со своим мужем. И они уговорили лететь его в Бургас... Оттуда он с профессором Стояновым прилетел в Вену на исторический конгресс... В Вене он познакомился с некой Иштар, которая закачала на его смартфон письмо, очень личное и интимное письмо – просто крик души, а не письмо!.. Постой, постой-ка, а не то ли это самое письмо, край которого выглядывал в качестве закладки из дневника Беллы и которое сейчас бесследно исчезло?

Ут привычно полез в карман за смартфоном, чтобы еще раз пробежаться по тексту письма. Но устройства в кармане не было, он сам спрятал его в ящике своего письменного стола. «Ничего, вернусь домой, и посмотрю», – успокоил себя Ут и продолжил реконструкцию событий.

Вот что было до того, как Ут угодил в ловушку времени.

6. В Бургас, в Бургас!

– Исянмесез, Ут абзый! Ничек халярегез?– ловко поймав слетевшую с головы зеленую фуражку, спрыгнул первым на берег Бержуда местный лесник.

– Нин хао, сяньшэн Ут сан! Ни зем ми?– почтительно справился о делах молодой круглолицый человек, облаченный в китайский шелковый халат с причудливыми иероглифами.

– Ні, дядюшка Ут! How are you? – беззаботно прощепетала худощавая девица в потертых джинсах, выгрузившая свои почти бестелесные формы с помощью твердой руки галантного лесника.

Нельзя утверждать, что "дядюшка Ут" был ошарашен или сильно удивлен внезапным вторжением этой экзотической троицы на остров, хотя оно явно пришлось ему не по душе. Но он давно уже перестал поражаться затейливым узорам в поворотах своей судьбы, так как ткал это полотно точно не он сам, а кто-то Другой – наглый и бесцеремонный. Так пусть сей неведомый Ткач и переживает...

Еще достопочтеннейший Омар Хайям имел в свое время по этому поводу сказать:

"Раз не нашею волей вершатся дела,
беззаботному сердцу и честь, и хвала".

Нет, конечно же, Ут не был ни безнадежным фаталистом,

ни законченным атеистом, просто ему были вполне симпатичны взгляды "Великого богохульника".

– Спешу доложить, дорогой дядюшка, что казанская квартира и дача проданы, – сразу взяла быка за рога предприимчивая племянница. – Теперь, i'm all right. Так что, собирайся, через полчаса сюда прилетит этот goddam вертолет.

– Ни в какую Англию я пока не лечу! – тоже быстро расставил все точки над "i" Ут.

Все близкие Ута, включая его сына и дочь с зятем бизнесменом, месяц назад отбыли на постоянное место жительства в земли Туманного Альбиона, прикупив по случаю у задолжавшего клиента по выгодной цене большой особняк в предместье Лондона. А Ут под предлогом необходимости продажи казанской недвижимости взял своеобразный таймаут, перепоручив это дело пробивной племяннице вместе с ее не менее активным, несмотря на кажущийся инфантилизм мужем. Уединившись на острове Бержуд среди многочисленных протоков древней Камы, он готовился к новому этапу своей жизни.

– Окау,окау! Никто тебя в Лондон и не зовет, мы полетим совсем в другое место.

Эта чертовка определенно владела искусством магии! Не прошло и пары минут, как она уговорила дядю лететь в загадочно-неведомый Бургас.

Ут быстро собрался, и как бы нехотя, но безропотно взобрался в винтокрылую машину, которую предусмотрительно

заказала его предприимчивая племянница, получившая на днях диплом бакалавра-культуролога в МГУ – молодежь в последнее время все чаще стала отдавать предпочтение провинциальному мосхоскому университету, игнорируя столичные вузы.

Винты вертолета закрутились с бешеной скоростью, машина оторвалась от земли. Оставшийся на острове лесник, удерживая фуражку, прощально помахал свободной рукой. Ут придвинулся к иллюминатору и стал наблюдать за медленно уменьшающимся в размерах островом, тихонько мурлыча себе в нос подходящие моменту строчки из Фета:

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычную стопою
Вскипая белую грядою,
Стихия чуждая дрожит.

– The lovely uncle Ут, ты чего такой задумчивый? Хочешь соку? – по-кошачьи вкрадчиво промурлыкала Эля, отвлекая дядю, как она думала, от грустных мыслей.

– А тыквенный есть? – оторвался наконец Ут от иллюминатора и Фета.

– Окау, сейчас посмотрю, – живо откликнулась Эля.

Однако в баре, которым были оборудованы винтокрылые машины всех авиакомпаний Алтын Тартарии, овощных соков не водилось. Зато кроме citrusовых холодильник бара был набит бумажными пакетами с рисовой водой.

– Ну ее эту гадость! Эти вездесущие китае... – оглянувшись на мужа своей племянницы, Ут решил применить более толерантный этноним. – Эти предприимчивые сыны Поднебесной всюду нороят протолкнуть свой не вполне кондиционный товар.

– Мне непонятна ваша ирония, Ут сан, – почтительно возразил Сю Ли, выключая E-boox. – Научно доказана полезность данного, как вы изволили выразиться, некондиционного напитка. Он благотворно воздействует на работу кишечника, укрепляет иммунную систему...

– Тонизирует сердечную мышцу, – иронично продолжил Ут известный рекламный ряд. – Знаем мы, где и как пишутся подобные научные в кавычках заключения.

– И вы туда же, дядюшка, вам тоже непременно нужно совершить свой плевок в производство "Made in China". Но если тебе плюют в спину, значит ты впереди. Это еще Конфуций заметил.

– Причем тут Конфуций! Нравится – пейте сами эту рисовую бурду! Вы лучше скажите, как вам удалось отыскать меня на острове, ведь ни одна живая душа не ведала, куда я поехал?

– Догадайся с одного раза? – загадочно ухмыльнулась Эля.

– Неужто я проговорился?

– Rack your brain – шевели мозгами, дядюшка!

– Ладно, не томи, где я прокололся?

– You've got robbed...

– Ты можешь нормально изъясняться! – стал терять терпение Ут.

– Может, прикажешь мне еще на твоём мертвом древнехонском языке говорить! – съязвила девушка.

– Якши, говори, – не скрывая удовольствия, согласился дядюшка.

– Хазер! – огрызнулась племянница. – Учите english – за ним будущее.

Тут вновь завозился в своём углу апологет Поднебесной.

– Английский язык наряду с китайским и испанским является языком международного права, – авторитетно, как студентам на лекции, стал разъяснять Сю Ли, который, действительно, несмотря на молодость, состоял на должности старшего научного сотрудника МГУ, только не на лингвистическом факультете, а на синологическом. – Заметьте, хонского языка среди них нет. Но я бы не рискнул, дорогая, в этой тройке так уверенно отдавать предпочтение английскому.

– Я даже не спрашиваю, кому отдаешь предпочтение ты! – начала заводиться Эля.

"Ну вот, назревает семейная драма, сейчас пиндосы будут бодаться с китаезами", – подумал Ут.

Теряя интерес к разговору, он вновь прильнул к иллюминатору и стал следить за реакцией огромного ватного облака, через чье тело смело проходил их воздушолет.

"Интересно, если бы Лао Цзы мог так близко наблюдать

жизнь облаков, – его учение о Дао претерпело бы какие-нибудь изменения?" – возник в голове у Ута абсолютно бессмысленный вопрос.

Увы, поразмышлять на эту тему ему не удалось. Сладкая парочка вопреки ожиданию достаточно быстро прекратила семейные баталии, переключив свое внимание на дядю.

– Дуй бу ци, дорогая, – вполне миролюбиво обратился муж к своей законной супруге, – но ты так и не рассказала, как догадалась о том, что наш сяньшэн Ут сан находится на острове? Как ты изволила выразиться на столь любезном тебе english, его якобы облапошили...

Oh, no! Никто его не облапошил, он сам лоханулся. Но я на него обиделась, пусть теперь помучается в догадках, – поджала губки вредная девчонка.

– Велика загадка! – вынужден был отреагировать Ут. – Старый дурень, выложил ролик про Бержуд на Youtube – вот вы по нему меня и вычислили.

– Ругаешь все американское – а сам пользуешься бесплатными сервисами Google. Как-то не патриотично получается, дядюшка! – не преминула вставить шпильку Эля.

– Достали вы меня! Оба! – неожиданно для самого себя взорвался Ут. – Ну посмотри на себя, ну какая ты Эля? Эля она, видите ли! Фу ты ну ты, лапти гнуты. Ни какая ты не Эля, а самая обыкновенная Эльмира!

– А ты, бугай, чего удумал! – разъяренный Ут резко повернулся к слегка перепуганному мужу Эльмиры! – Ну какой ты

Сю Ли? Ни какой ты не Сю Ли! А просто Александр, Саша, Санек... Игрушки они тут играют, развели детский сад... И я вам тоже ни какой не дядюшка Ут, – уже несколько успокаиваясь, заключил дядя Утигур.

В салоне вертолета нависла гнетущая тишина – шум двигателей практически не проникал в герметично замурованный отсек для пассажиров. Дядюшка Ут погрузился в размышления (как бы он не противился, мы будем продолжать называть его этим именем, потому что полным именем его никто никогда не называл, даже собственные родители).

Первым делом Ут взялся восстанавливать строй мыслей, который возник несколько минутами ранее ссоры с молодыми родственниками в связи с ассоциативным рядом: облако – Лао цзы – Дао – Бог.

Да, если бы даже Бога не существовало, то его следовало выдумать. Золотые слова, кому бы они не принадлежали! Великая сила – страх. Страх перед наказанием Всевышнего – Мудрого, Всесильного, Справедливого. Пусть страх и ожидание Божьего Наказания и Божьей Милости Дамокловым мечом нависают над человеком до тех пор, пока это жалкое двуногое существо не сравнится разумом своим с теми, кто его на самом деле и произвел на так называемый божий свет. Только тогда, но никак не раньше, прежние представления о выдуманном и кем-то навязанном Боге можно отправить на свалку истории. Но свято место пусто не бывает, кто займет освободившееся место? Тот, кому оно принадлежит по пра-

ву. Тот, кого мы забыли или нас заставили о Нем забыть, и нам предстоит познать Его вновь...

Казанский международный аэропорт поражал своими размерами. Это был целый город со своими ресторанами, банками, отелями, супермаркетами – здесь можно было жить, не куда не улетаая. Хотя комфортабельные скоростные "Боинги" могли за считанные минуты доставить пассажиров в любую точку мира.

Однако по части технической оснащённости главные воздушные ворота Алтын Тартарии уступали аэровокзалам второй столицы Державы – Самарканда и тем более Москвы, где аккумулировались суперпередовые технологии и которая, несмотря на свою относительную молодость, в сравнении с двумя старейшими очагами цивилизации, все громче заявляла о себе, как о третьей столице Империи. Москва, по прогнозам политологов, главным образом западных, вслед за Болгарией, Западной Украиной и Прибалтикой могла отделиться от Алтын Тартарии, что приводило в бешенство Верховного кагана.

«А ведь история могла пойти и по другому пути», – задумался Ут, бесцельно глаза в ожидании рейса на Бургас на блестящие витрины торговых рядов аэровокзала. Здесь торговали различными сувенирами с изображением Казанского Кремля, башни Сююмбике, мечети Кул Шариф по ценам в двое-трое выше, чем на Сенном базаре.

Да, альтернатива была. Если бы в 1552 году болгарский

каган Кул Ашраф не пошел на уступки алатцам, готовым уже перейти на сторону Ивана IV, мосхоский князь, тоже между прочим, хонских кровей, мог бы и взять Казань. И тогда все могло сложиться иначе: Мосха, а не Казань стала бы столицей набиравшего силу евразийского государства.

Впрочем, вряд ли русский хрен слаще тартарской редьки! Ведь и тот, и другой овощ выращен на одной и той же грядке, ухоженной садовниками-чингизидами.

Последний болгарский правитель дорого заплатил за ту историческую сделку с алатскими тартарами (правда, и выбора у него не было – а, может, все-таки был?), на нем династия болгарских царей ашрафидов, ведущих свой род от легендарных Атиллы и Кубрата, прервалась. Власть в Державе захватили потомки Батгя и стали методично выстраивать свою Империю – Алтын Тартарию.

В Империи все вероисповедания, согласно заветам Чингисхана, считались равными. Но со временем установилось два государственных языка – тартарский и русский, и главным из них, как ни странно, стал последний – несколько лет назад был даже издан специальный фирман Верховного кагана, закрепляющий за ним такой статус.

Тому были две причины.

Первая заключалась в том, что русская литература XIX века, который называли "золотым веком", совершила невероятный скачок. Такого литературного бума не знала ни одна страна, сочинения таких гениальных мастеров русской сло-

весности как Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гоголь, Толстой, Достоевский были широко известны во всем мире. Власти Алтын Тартарии сначала с напряжением и ревностью восприняли этот труднообъяснимый всплеск активности и последовавший вслед за ней всемирный успех писателей не титульной нации. Но потом мудро рассудив, что мировая слава русских писателей, и их, как писал Достоевский, "всемирная отзывчивость", в конечном счете, приносит Империи больше пользы нежели вреда, стали миллионными тиражами распространять их литературные шедевры. Естественно, на языке оригинала. Более того, наиболее известные произведения включили в школьную программу, и каждый житель Алтын Тартарии в меру своего усердия и любознательности был знаком с русской классикой.

Второй причиной столь быстрого распространения языка не титульной нации было связано с опережающим развитием самого Мосхоского улуса, в котором преобладало русское население. Как уже было сказано, Мосха являлась лидером по части научно-технических инноваций, и на русском языке публиковались не только современные научные труды отечественных исследователей и переводы наиболее значимых зарубежных авторов, но также и различные инструкции и аннотации к современным техническим устройствам. Локализация популярных компьютерных программ тоже в первую очередь проводилась на языке Пушкина и Толстого. Постепенно русский язык в этой сфере вытеснил тартарский.

Однако прогноз великого тартарского просветителя Гаяза Исхаки, творившего в начале минувшего века, в полной мере не оправдался. Писатель предсказывал, что через 100 лет тартарский язык исчезнет совсем. Однако он не исчез, а превратился в "язык избранных" – его помимо искренне преданных своей культуре небольшой группе людей использовали также для внутреннего общения канцелярия Верховного кагана и связанный с ней чиновничий генералитет, который отчасти был сформирован также влиятельными представителями русской и других малых народностей Алтын Тартарии. Все они безмерно гордились своей причастностью ко двору Великого кагана и знанием тартарского языка, который в их среде именовался хонским.

– Ут сан, ну куда же вы запропалились! – несколько по-бабьи запричитал Сю Ли, завидев беспечно разгуливающего по мраморному залу столичного аэровокзала Ут.

– В самом деле, дядюшка, уже посадку объявили, – засуетилась, поддерживая своего мужа, неугомонная Эля.

– Э-э, успеем, – небрежно отмахнулся Ут, ему важно было закончить свои мысли о значении русского языка в развитии тартарской культуры.

Однако процедура прохождения таможенного контроля, которую терпеть не мог наш философ, заставила прервать размышления. Хотя она благодаря техническим новшествам была упрощена до предела. Всего-то, нужно было подойти к стойке с высветившимся табло «Казань – Бургас» и на се-

кунду подвести свой зрачок к окуляру осциллографа, чтобы умные датчики списали с глазного дна всю необходимую информацию о пассажире – его имя, пол, возраст, гражданство, платежеспособность и т.д. С банковского счета пассажира тотчас списывалась необходимая сумма в пользу авиакомпании. Правда, для того чтобы получить доступ к этой услуге предварительно необходимо было занести в базу данных Всемирного Центра информации индивидуальный отпечаток сетчатки глаза. Зато потом гражданин мог беспрепятственно передвигаться практически по всему земному шару, не имея с собой ни денег, ни документов. Подобные осциллографы давно уже были установлены в москоских аэропортах. Казань, как всегда, запаздывала.

«Как быстро движется прогресс!» – подумал Ут, кивая головой милостивой операторше-китайке, на ломанном русском пожелавшей «Щастливая пасадка Бургас!» Обслужкой в аэропортах Тартарии занимались в основном учтивые китайцы, летно-технический персонал формировался продвинутыми американцами, но в будках таможенных постов за бронированными стеклами с тревожной красной кнопкой сидели сами тартарцы.

Еще совсем недавно большим достижением считался переход на биометрические паспорта, которые открывали окно в Европу и другие страны, а сейчас ими уже почти не пользовались.

Уже через 10 минут наша троица – Сю Ли, Эля и ее дя-

дюшка – сидела в салоне «Боинга», вмещавшего раз в 50 больше пассажиров, чем тот вертолет, на котором они прилетели в Казанский международный аэропорт. Из динамиков раздавалась информация о предстоящем полете, дублируемая на английском и китайском языках. Ут, по обыкновению своему, принялся восстанавливать ход мыслей, прерванный посадкой в авиалайнер.

Была еще третья причина популярности русского языка среди многочисленных народов Тартарии, о которой мало кто говорил, точнее, не говорил никто. Во всяком случае, Ут об этом ничего не слышал.

Его покойный друг, ученый физик Гайни, скоропостижно скончавшийся от рака, занимался теорией звука и под занавес своей жизни совершил, по мнению Ута, гениальное открытие, так и непризнанное в научном мире. Гайни подтверждал научную достоверность библейско-коранического предания о разрушении Вавилонской башни, уходящего своими корнями в самаро-шумерский Думбеш. Ранее на Земле был один общепланетарный язык, считал профессор, но потом людей разделили на народы и для каждого установили свой язык. Якобы это было сделано для того, чтобы люди перестали понимать друг друга и не могли объединиться перед лицом общей опасности.

Ученый физик Гайни, в совершенстве владевший дюжиной западных и восточных языков, считал, что звуки, на основе которых, как из кирпичиков, слагаются различные сло-

ва и языки, изначально имеют свое собственное смысловое значение. Например, возгласами «Ах» или «О-о» представители всех народов выражают одно и то же – эмоции восхищения и удивления. И зная первоначальный смысл звуков, можно легко и быстро научиться понимать любой язык и овладеть многими тайнами мироздания. Хотя есть и такие тайны, которые нельзя познать с помощью звуков, а лишь в уединенной тишине и безмолвии.

В систему построения фраз у восточных и западных народов изначально была заложены разные принципы.

Все западные языки строят предложения по схеме «объект – действие – цель» – скажем, по-английски фраза «Я лечу в Бургас» будет звучать так: «I am flying to Burgas», по-итальянски – «Sono volano a Burgas». И нельзя сказать «I to Burgas am flying» или «Sono a Burgas volano», – это будет неправильно.

Восточное же мировоззрение предлагает другую конструкцию: «объект – цель – действие», то есть «действие» и «цель» меняются местами. Например, «Я лечу в Бургас» по-японски – «Watashi wa Burgas ni tonde imasu», по-хонски – «Мин Бургаска очам». И это тоже жесткая конструкция, и ее тоже нельзя нарушать: построения типа «Watashi wa ni tonde imasu Burgas» или «Мин очам Бургаска» носителями языка будут расценены, как ошибка.

В этом состоит принципиальное отличие восточной ментальности от западной.

Европеец сначала совершает действие, например, идет по улице – i'm going, но еще не знает, куда он в конечном итоге забредет – то ли в супермаркет, то ли в пивной бар. Не случайно Наполеон говорил, что нужно сначала ввязаться в бой, а потом уже решать, как его вести.

А азиат не выйдет из дома, пока не определит свою цель: кабак или магазин, и лишь после этого он говорит «пойду» («idō» по-японски или «барам» по-хонски). Правда, он потом может передумать и сказать «Я в магазин... не пойду» – «Мин кибитка... бармым», или «Я в магазин... завтра пойду» – «Мин кибитка... иртага барам». И в том нет никакого восточного коварства, просто так устроен язык, а значит и мозг восточного человека: сначала цель, а потом поступок.

Восток знает Цель, но нельзя быть уверенным, что он до нее дойдет. Запад дойдет, но нельзя быть уверенным, что дойдет до нужной Цели.

«Величие же русского языка, – пришел к выводу Ут, – заключается в его гибкости: в нем допустимы обе конструкции «Я лечу в Бургас» и «Я в Бургас лечу», обе они звучат абсолютно правильно. Возможно, в этом и кроется объяснение столь широкого распространения русского языка на просторах Алтын Тартарии и того факта, что именно по-русски написано большинство гениальных произведений мировой литературы.

Русский язык как бы объединяет два подхода к жизни, два мировоззрения, две ментальности – восточную и западную".

И дай-то Бог, чтобы Цель была не только поставлена, но и достигнута.

Увлечшись своими мыслями, Ут даже не заметил, как «Боинг» совершил взлет и набрал рабочую высоту. В салоне появилась невысокая стюардесса с раскосыми глазами, облаченная в белоснежную блузку, голубую юбку и такого же небесного цвета пилотку с надписью «Тартария». Девушка катила впереди себя тележку с прохладительными напитками. Привычно отказавшись от рисовой воды, Ут задержал стюардессу:

– Не могли бы вы, уважаемая, подсказать мне, как по-китайски будет звучать фраза «Я лечу в Бургас».

– Wǒ fēi zài Bǔrgas, – быстрой скороговоркой пропищала стюардесса.

– Как, как? – не уловил с первого раза Ут.

– Wǒ fēi zài Bǔrgas, – медленней и более внятно повторила девушка.

– Хм, понятно, – как бы удивляясь услышанному, промямлил Ут. – Еще, секундочку, please! – удерживая бортпроводницу, попросил он. – А можно эту фразу построить по другому: Wǒ fēi zài Bǔrgas?

– Нет, нельзя! – подал голос сидевший у иллюминатора Сю Ли.

– А ты откуда знаешь? – повернулся к нему Ут.

Сю Ли многозначительно молчал. Тогда Ут вновь перевел вопрошающий взгляд на китайнку.

– Молодой человек прав, так говорить будет не совсем правильно, не по-китайски, – заученно вежливым голосом подтвердила стюардесса.

– Thank you, – поблагодарил Ут и опять погрузился в раздумья.

«Нет правила без исключения, – объяснил он возникшую нестыковку в теории своего покойного друга. – Жесткость конструкции все равно сохраняется: либо так, либо эдак, а так и эдак, как в русском языке, нельзя. Возможно, в китайской культуре есть элементы западной ментальности, не зря же они чем-то похожи на своих соперников и партнеров американцев».

Бургас встретил солнцем, морем и запахом жареных каштанов. В начале XIX века, когда сюда вошли тартарские войска, в поселке жили одни турки и греки, и не было ни одного болгарина. В современный курорт Бургас превратился сравнительно недавно, и особенно бурно начал развиваться, когда вблизи Бургасского, или как говорили сыны Эллады, Пиргосского залива нашли нефть. После отделения Болгарии от Тартарии, которое под натиском мирового общественного мнения, прошло относительно мирно, больше всех переживали имперские чиновники, курирующие нефтяные разработки. Зато какое ликование было в Европе и Америке!

Профессор Васил Стоянов принимал казанских гостей на своей загородной даче, расположенной в гористом ущелье,

почти на самом берегу Черного моря. Эля со своим неразлучным Сю Ли месяц назад, будучи на молодежном форуме в Карловых Варах, познакомилась с дочерью профессора – Албеной, и черноокая красавица пригласила их к себе в гости Бургас. Расчетливая Эля, беря во внимание наказ уехавших в Лондон родственников присматривать за дядей (тут Ут был прав в своих догадках) и, зная его увлечение древне-българской историей, сделала ему предложение, от которого он не мог отказаться. Ут читал в интернете некоторые статьи знаменитого профессора, они показались ему любопытными, и потому, услышав знакомую фамилию, тотчас согласился лететь в Бургас.

Хозяин накрыл шикарный стол на открытой веранде, откуда открывался чудесный вид на море и был слышен шум волн. Чего тут только не наготовили! Сарми – голубцы, завернутые в виноградные листья, запеченное с красным сладким перцем мясо и запеченная с большим количеством лука морская рыба, салаты из маринованных и свежих овощей, желтоватый сыр кашкавал, фрукты, пахлава, козунаки, лукум, ну и, конечно же, знаменитая Кадарка, которую хозяин почему-то называл Гымзой.

В коричневых вельветовых брюках, в свежей голубой сорочке, с открытым лысеющим лбом, который испещрила тонкая паутинка морщин, профессор выглядел весьма импозантно. Васил Стоянов, как и все ученые прежней формации, получившие образование в тартарских вузах, доволь-

но прилично когда-то изъяснялся по-русски, но уже многое подзабыл и путал слова, а когда увлекался, и вовсе переходил на болгарский.

– Мои приятели из Плевны, института виноделия прислали, – похвастался хозяин, разливая искрящееся вино по высоким хрустальным бокалам. – Наздраве!

– Наздраве! – повторили гости новое, но абсолютно понятное для них слово.

– Извините, профессор, – пригубив вино, Ут вежливо напомнил: – вы так и не объяснили, почему Кадарку называете Гымзой.

Ему показалось знакомым это слово.

– О, Гымза е арабски име, означава «Каприз дамы». Вино имеет специален вкус, и мутит разум, как каприз красивой жени.

Гости смаковали вино, терпкое и приятное, от которого исходил чарующий аромат.

– Элечка, попитайте салата от баклажан, я сама подготвени, – на другом конце стола красавица Албена потчевала своих молодых друзей, – хозяйева, чтобы было понятно гостям, старались на каком-то ломанном русско-болгарском наречии.

– С удовольствием! – сказала Эля и отрицательно покачала головой.

Все дружно рассмеялись, давая понять, что шутка удалась. Болгары, в отличие от других народов, когда выражали

с чем-то согласие, мотали головой из стороны в сторону.

– А я по этому поводу слышал одну легенду, – вставил свое слово всезнайка Сю Ли. – Говорят, во время турецкого господства янычары ловили восставших болгар и, приставив к горлу кривую саблю, спрашивали «Будешь служить турецкому султану?» Те, кто посмелее, отвечали «Нет» и гордо кивали, а те, кто были менее отважны, говорили «да», но при этом отрицательно мотали головами.

– Интересна гипотеза, – одобрительно хмыкнул профессор и ловко подцепил из салата коричневатый с желтым пухом баклажан, собственноручно приготовленный его дочерью.

– А я знаю самое длинное болгарское слово, – решила тоже блеснуть эрудицией Эля и с трудом произнесла: – НЕПРОТИВОКОНСТИТУЦИОНСТВУВАТЕЛСТВУВАЙТЕ.

Все опять засмеялись.

«Молодцы, ребята, подготовились», – одобрительно подумал про Элю и ее мужа Ут. Он сидел спиной к стене веранды, потягивал Гымзу и любовался очаровательным видом, открывавшимся с его места на море.

– Уважаемый профессор, мне хотелось бы знать ваше мнение по поводу еще одной гипотезы.

– Слушам внимательно, – хозяин в пол-оборота развернулся к Уту, изображая на лице выражение доброжелательного ожидания.

– Я, конечно, не специалист, но мне показалось, что вновь оживились сторонники византийского происхождения славянского алфавита – кириллицы.

– Это старая тема. Я придерживаюсь традиционной позиции. В источнике «Житие Кирилла» ясно написано: «родомъ сѣи бльгаринь от солоуна града»... Ясно написано – «българин», и где той был рожден в Солун, или Средец – няма значение.

– Но нельзя же отрицать наличие у Кирилла и Мефодия македонских корней.

– Не може, – охотно согласился профессор. – Больше того, там есть и фракийски, и киммерийски корни, как и у всего български народ.

Васил Стоянов сел на своего конька. А молодежь, напротив, заскучала, взгляды ребят все чаще устремлялись в сторону моря, по ровной глади которого бесшумно скользили белоснежные яхты.

– Вы забыли о тюркских корнях, – напомнил Ут.

– Не было турски корни! – возмутился профессор и поморщился, словно от надоевшей зубной боли. – Отлетя, как жълти листа от кестен.

– Вы меня не поняли, профессор. Турецкое влияние было более поздним, и оно, действительно, как вы образно выразились, отлетело, как желтый лист с каштана. Но я говорю о более ранних тюркских, хонских корнях Атиллы, хана Кубрата, его сына Аспаруха и всей царской династии Дуло.

– Не было и тюркски корни, – насупился профессор.

– Ну как не было! – стал кипятиться Ут, разгоряченный азартом дискуссии и ароматом «Капризной дамы». – Например, в нашем университете на кафедре медиевистики преподает Васил Манапов, заметьте, Васил, – подчеркнул Ут, – и представьте, у него тоже, как и у вас есть дочь, и ее тоже зовут – бывают же такие совпадения – Альбина!

– Никто не отрицает родство Дунавска и Волжка Бългрия, они е порождение Велика Бългрия, – несколько смягчился тезка казанского профессора. – Нас тоже наши соседи сърбы, как и вас, иногда кличут «тартары». Но ето не важно, если есть един български дух.

– А Васил и Албена – это славянские имена?

– Български, а не славянски.

– А разве болгарский язык не церковно-славянский?

– «Лаф без акъл е съща кавга» – определяйте, какой ето език?

– Так, «лаф» – хвастовство, – быстро стал соображать Ут. – «Акъл» – разум... Что там еще было? «Съжда»? Поклонение... «Кавым» – отрезок времени... Похоже на тюркский. Но ерунда какая-то получается: хвастовству разум поклоняется короткое время...

– Не, ето не тюркски, ето стари български език, – настойчиво-утвердительным тоном произнес Васил Стоянов. – «Лаф без акъл е съща кавга» означава «Сказ без разума е готов раздор».

– Дядя Васил, уважаемый профессор! – чтобы избежать

«раздора», вмешалась в «сказ» между разволнованным хозяином и неуступчивым гостем чуткая Эля. – А вы знаете, что наш дядюшка Ут тоже пишет книгу, только не научную, а художественную?

«Что за чушь, откуда она это взяла!», – возмутился про себя Ут.

– Какую книгу пиши, коллега? – заинтересовался хозяин.

Ут, действительно, писал, вернее, наговаривал иногда на подаренный ему Сю Ли смартфон свои мысли, которые умный девайс переводил в печатные знаки. После небольшого редактирования получался весьма даже удобоваримый текст.

– Никакая это не книга, так, зарубки на память. Кому они интересны!

– Много интересно, – не унимался профессор.

– Это стало интересно даже мне, – слегка иронично произнес молчавший до сих пор Сю Ли. – Вот уж не предполагал, что у нашего дядюшки откроются литературные таланты.

– Какие уж там таланты...

– Ладно, дядюшка, не скромничай, give your smart phone – я сама прочитаю, если ты стесняешься.

«А что, – решил вдруг Ут – надо же, чтобы это кто-то увидел, не вечно же мне свои мысли при себе держать».

Поковырявшись в дядином смартфоне и найдя нужный файл «погоня за ланью», Эля стала читать его своим гром-

ким, хорошо поставленным голосом.

Погоня за ланью

«Чем ближе всадники-кимеры приближались к воде, тем сильнее и шире раздувались влажные ноздри коней, с шумным свистом всасывая сыроватый воздух меотских болот. Легкий и грациозный бег лошадей замедлялся, словно их мускулистые ноги сковали железным обручем. Чувствуя под собой недовольное фырчанье, охотник, скачущий впереди на гнедом красавце-жеребце, опустил поводья и поднял руку. Повинуясь команде, товарищи тоже стали придерживать лошадей, подзывая громкими криками вырвавшихся вперед собак, которым не терпелось окунуться в болотистую топь Меотского моря.

Когда всадники стремительным галопом мчались по украшенной воздушной ковылью киммерийской степи, небо было абсолютно синим, как и само приближающееся море. А теперь со стороны Эвлисийских холмов его стало заливать черной краской. Небо сердилось и вдавливало находившихся под его мрачающим куполом людей в нетвердый болотистый берег. И рассерженная туча, и надвигающееся болото наполняли воздух удушающей влагой, как будто хотели о чем-то предупредить людей и отвлечь их от действий, неугодных Вечному Небу – Тенгри.

– Квок, квок, квок! – вдруг резко и властно, заглушая все остальные звуки, откуда-то сверху разрезал темнеющее небо

крик большой недовольной птицы.

Охотники, одновременно подняв головы в остроконечных конусовидных шапках, увидели белохвостого орлана. Царь птиц невозмутимо восседал на вершине голого, без единого зеленого листочка, дерева. Торопливо снимая из-за спины изогнутые боевые луки, всадники пришпорили лошадей. Учувя добычу, взбесились собаки и, вырываясь из под копыт вздыбленных лошадей, понеслись навстречу охотничьей удачи.

Орлан гордо вздернул крючковатым желтым клювом, неспешно взмахнул огромными крыльями и торжественно взмыл ввысь. Преследователям оставалось лишь наблюдать за его удаляющимся белым клиновидным хвостом. Поняв, что Царя птиц уже не достать, охотники нехотя спрятали обратно в колчаны не понадобившиеся длинные тонкие стрелы с железными наконечниками. А орлан тем временем, отлетев на безопасное расстояние, плавно приземлился на вершину другого такого же голого трона, на котором он сидел ранее, хотя рядом росли деревья, покрытые густой зеленью.

Охотничье счастье переменчиво – никогда не знаешь, кого поймаешь, а кого потеряешь. Азарт погони еще не остыл в крови, как кимерам вновь пришлось седлать измученных коней. На этот раз из камышовых джунглей показались ветвистые дугообразные рога. Молодая испуганная лань бросилась в протоку и, отчаянно выдергивая тонкие изящные копытца из болотистой тины, поплыла к противоположному

берегу.

Хотя лань у кимеров считалась священным животным – мас-лулим, охота на нее не была запрещена. Принц Уту снова совершил предостерегающий жест – именно он, старший сын кана, возглавлял этот небольшой отряд. Уту вознес руки к все продолжавшемуся хмуриться небу и приготовился к молитве. Ёе быстро, не слезая с коня, прочитал наставник сыновей кана и хранитель веры кам Кагир:

– О, Тенгри, ты наш единственный Бог! Разреши нам охоту на убежавшую от нас мас-лулим, ибо войны наши голодны так же, как и наши собаки. А больше мы ничего не просим.

После этих слов, жрец опустил руки и устремил свой взор вниз, к водной глади заросшей болотной травой протоки, обращаясь к Хозяйке воды:

– И, Масщяп Аз аб, разреши нам войти в твои воды и преследовать животное...

Бултых! Не дослушав до конца, кто-то из нетерпеливых охотников направил своего коня в воду, обдав брызгами заскучавших на берегу собак. Это был Кур – брат командира отряда Уту. За ним, сталкиваясь друг с другом, стали прыгать в воду остальные всадники и собаки. Последним осторожно, со словами «Да хранит нас Тенгри!», вошел в воду кам Кагир, так и не сумев окончить молитвы.

Кагир слыл опытным камом, пожалуй, самым опытным в Меотиде. Нет, он не был посвящен в сокровенную суть замысловатых синтагм, выдавленных тростниковыми палочка-

ми на мягких глиняных дощечках с помощью тайного языка древних жрецов Самара. Кам не поклонялся Дингир – пантеону бесчисленных самарских богов, он молился только Тенгри и умел разговаривать с алпами рек, озер, лесов, степей и гор. Кагир происходил не из жреческого сословия, он был потомком легендарного Тарвиля. Иногда в знак особого уважения его называли и этим именем, – именно Тарвиль вывел воинов-кимеров после страшного Потопа из Большого Рума в Меотиду.

Но каким бы безграничным уважением и авторитетом не пользовался Кагир-Тарвиль среди своих соплеменников, он не мог перечить воли царских отпрысков, разве только в минуту смертельной опасности. А таковой – несмотря на многие знаки природной стихии – не возникало.

Тучи уже полностью покрыли небосвод, и первые дождевые капли забарабанили по головам людей и лошадей, которые, петляя по болотистым протокам между многочисленными островами, вырвались, наконец, на водный простор. Впереди, то скрываясь под волной, то вновь взмывая на ее гребень, показались ветви рогов. Лошади, освобожденные от всадников, которые плыли рядом, держась за поводья, заметно увеличили скорость погони».

– Это конгениально! – восторженно вскричал Васил Стоянов, как только Эля прочитала последнее предложение и захлопнула обложку смартфона. Захмелевший профессор даже наклонился через стол, чтобы пожать руку своему гостю,

как будто перед ним сидел, по меньшей мере, Нобелевский лауреат.

– Я понял, – кричал профессор, – я все понял! Охота за ланью – это сюжет из Прокопус Кессарийски. Уту и Кур – е вожди, Утригур и Кутригур – киммерски племена. Они через меотскую протоку проникали в Европу. Тарвиль – е Тарвел, Самар —е Шумер! Вы, коллега, подтверждаете моя гипотеза за шумеро-кимерски производ български Держава. На основе българо-етруската цивилизация възникнали римската, италианската и германско-австрийската цивилизации... Прекрасна, прекрасна!

– И не только европейские... – хотел было вставить слово Ут, но профессор его перебил:

– Да, да! Ваше имя тоже е Утгур! Это редко имя?

– Достаточно редкое. Хотя в Тартарии много населенных пунктов типа Утяково, Утигово...

– Прекрасна, прекрасна!

Все эти восклицания закончились тем, что профессор пригласил Ута ехать вместе с ним на международный конгресс историков в Вену, где он должен был выступить с докладом "Българская цивилизация: прошлое и будущее". На законные сомнения гостя, как же это возможно, наверняка, списки участников конгресса давно уже согласованы, Васил Стоянов важно заявил:

– Я представляват ГЕРБ!

– Что еще за герб?

– Граждани за европейско развитие на България – ГЕРБ.

Профессор входил в руководящий состав этой популярной в Болгарии общественной организации, опекаемой влиятельными международными фондами, и мог по собственному усмотрению подбирать список лиц для участия в различных европейских мероприятиях.

Вылетать нужно было на следующий день.

7. В сердце Европы

Вот уж никак не думал, не гадал Ут, что окажется в Западной Европе, да еще где, в самом ее сердце – столице Австрии Вене.

Устроители исторической конференции, похоже, придавали ей большой значение. Болгарская карта, после отделения Болгарии от Тартарии, активно разыгрывалась европейскими политиками. Западные СМИ умело подогревали интерес к теме, предвещая скорое присоединение к Евросоюзу еще одного независимого государства – Мосхии. Говорили о Софии, а целились в Мосху. Однажды такой фокус уже пытались провернуть в другом западном регионе Державы, и лишь твердая позиция крымских тартар, не пожелавших отрываться от своих исторических корней, позволила удержать в лоне Империи не только Крым, но и левобережную Украину. Правобережная часть, правда, отошла и влачит теперь жалкое существование на задворках Европы.

Международной конгресс историков "Българская цивилизация: прошлое и будущее" начался ни где-нибудь, а в здании Венской государственной оперы, что тоже подчеркивало его особый статус. Перед пленарным заседанием в исполнении Венского оркестра прозвучала планетарная музыка Софьи Губайдуллиной, эмигрировавшей, как известно, в последней четверти минувшего века из Тартарии в Герма-

нию. Это тоже было символично, как когда-то заметила сама Софья Асгатовна: «Как дочь двух миров, я живу душой в музыке одновременно Запада и Востока». Конгресс широко освещался в Глобальной сети, в автоматическом режиме осуществлялся перевод на все европейские и многие азиатские языки.

Доклад «Истоки Великой Българии» своего нового знакомого профессора Васи́ла Стоянова, выступавшего на родном языке, Ут слушал вживую, отключив электронного талмача. За два дня тесного общения с профессором ухо уже привыкло к болгарским словам, очень близким к русским. К тому же оказался достаточно действенным метод его покойного друга Гайни, научившего понимать значение чужих слов по их звучанию. Научиться говорить таким образом на других языках было сложновато, но вот понимать их можно было вполне.

Ничего такого, чего бы Ут не знал раньше из его статей, профессор не открыл. Свое выступление он предвосхитил несколько урезанной ссылкой на японского историка Шигеоши Мацумае: «Болгарская культура входит в число семи цивилизаций в истории человечества, обладающих ответственной миссией связывающего звена между Востоком и Западом». Ут сразу догадался, что Васил Стоянов использовал авторитет известного японского ученого лишь для того, чтобы придать некую «легитимность» утверждению «ответственная миссия в истории человечества», которое он

нещадно потом эксплуатировал на протяжении всего доклада.

Знаменитый японец, произнося эти часто цитируемые слова, если и имел виду какую-то конкретную концепцию, то совсем не ту, что исповедовал профессор Стоянов. Были мнения и других болгарских историков, не представленных на конгрессе. Одни, например, считали, что прародину болгар следует искать в Согде, в горах Памира и Гиндукуша, упоминаемой индийскими источниками, как Балхара, а греческими – Бактрия. А другие находили протоболгар в племенах имэн (кстати, хоны называли Японию именно Имэн), обитавших на границе с Китаем. И Мацумае эти «согдо-имэнские версии», естественно, были ближе, нежели «шумеро-киммерийская гипотеза» Стоянова.

Но профессор Стоянов знал, о чем и как нужно говорить в «сердце Европы». И совсем не замечал того, что сводя корни болгарской культуры лишь к одной западной шумеро-киммерийской основе, отсекал тем самым огромный пласт древней хонской истории, оставляя в зоне «дикого варварства» не только Модэ (хоны считали его Огуз-ханом) и Балымера (западные историки называли его Баламбером), но и Кубрата с Аспарухом, основавшим саму Дунайскую Българию.

Да, еще со времен Атиллы и Чингисхана Запад панически боялся нашествия "диких орд" с Востока. Этот страх заложен у европейцев на генном уровне, чему в немалой степени поспособствовали в свое время буйные фантазии сирийско-

го грека Аммиана Марселлина и готского сказочника Джорданеса, на которых до сих пор ссылаются, как на достоверные источники.

Поэтому Васил Стоянов так яростно и отрещивался от этого "дурного наследия". Он, словно не доклад читал, а вещал, как мессия, говоря об особом "бремени истории", которая лежит на Българской цивилизации, призванной нести в мир высокие идеалы "свободы, мира и справедливости".

Пафосно и театрально произнеся свою коронную фразу «На основе българо-етруската цивилизация възникнали римската, италианската и венгерско-австрийската цивилизации», Васил Стоянов взял паузу и многозначительно посмотрел в зал, ожидая оваций.

Однако их не последовало. Напротив, на лицах, сидевших рядом с ним участников конгресса, Ут заметил легкие усмешки, дескать, мели Емеля, твоя неделя!

Другие выступления также не отличались оригинальностью. Все они признавали огромный вклад болгар в сокровищницу мировой культуры. Восхищались идеей българской государственности, построенной на отрицании рабства, свободном труде и толерантном отношении к другим народам. Отмечали раннюю христианизацию болгар, которая частично началась еще в V веке н.э., вспомнив, что павших в 451 году в битве на Аварайрском поле болгар армянская церковь объявила святыми... Но забыв, естественно, упомянуть при этом, что когда-то Византия выплачивала ежегодную дань

Българияи.

Докладчики допускали наличие как западных, так и восточных корней в происхождении Българской цивилизации. Они предлагали принадлежность к ней, избегая детального антропологического анализа, определять не по признаку крови, а по мировоззрению – личному отношению к идеалам демократии и социальной справедливости.

Ут вполне принимал эти очевидные вещи, но его настораживало, что сотни раз перепетые сентенции о единстве исторических судеб стран Западной, Центральной и Восточной Европы сводились, в конечном счете, к необходимости установления в них «демократических режимов западного образца». Чему будто бы препятствовала "империя зла" – Алтын Тартария – «последний оплот тоталитаризма» на Земле. Правда, при этом отмечалось, что в последние годы, после разрушения Великого дувала, в «этой дикой азиатской стране» тоже наметились прогрессивные тенденции и движение в сторону «демократических и общечеловеческих ценностей».

В общем, Уту это надоело слушать эту ахинею, и он решил вернуться в отель. Его путь лежал через Ringsstrasse – бульварное кольцо в виде огромной подковы, которое изумляло эклектичностью архитектурных стилей. Ратуша, университет, парламент, государственная опера – все эти сооружения были построены разными зодчими и несли на себе отпечатки их предпочтений и вкусов – от классики до неоготики.

Но у Ута не было решительно никаких сил любоваться живописными видами старой Вены. Его чрезвычайно утомила череда последних событий: ранний вылет из Бургаса, поспешное размещение в отеле, дешевый завтрак в китайском ресторане и особенно пустопорожня болтовня на историческом конгрессе.

У него осталось лишь одно желание: добраться, как можно быстрее до гостиницы и дать отдых уставшей спине – обострилась застарелая боль в позвоночнике. А утром первым рейсом улететь в Казань, чтобы к обеду попасть на остров Бержуд. Но, похоже, он заблудился.

– Entschuldigen Sie bitte ich bin Auslender, ich suche Hotel "Hummel", – Уту пришлось сильно напрячься, чтобы припомнив университетский курс, составить несколько корявых немецких фраз. – Извините, пожалуйста, я иностранец, я ищу отель Хуммер.

Полицейский в серой мышинной форме, уточнив, что отель находится на Mariahilfer Strasse, отозвался довольно дружелюбно. Дескать, какие проблемы, закажи такси и езжай, куда тебе надобно. Ут понимал абсолютно все, что тот ему говорил – Слава КГУ и методу Гайни! – но вот построить следующее предложение никак не удавалось. Страж порядка, видя, что "Auslender" мнетя, наверное, валюту экономит (откуда ему было знать, что в карманах Ута даже паршивого шиллинга не завалилось) предложил прокатиться до пункта назначения на метро.

– Nein, nein, zu Fug! – наконец прорезался голос у чужестранца.

Ну пешком, так пешком, подумал полицейский, и стал долго и нудно перечислять длинные названия венских улиц, прерывая их перечень короткими вставками nach Recht – направо и nach Links – налево.

– Fielen Dank, – поблагодарив полицейского, Ут отправился nach Links.

Пройдя поворот, он снова остановил прохожего и обрушил на него заученную фразу:

– Entschuldigen Sie bitte ich bin Auslender, ich suche Hotel "Hummel".

Повторив эту процедуру раз 5-7, Ут добрался-таки до своего отеля. Mariahilfer Strasse находилась на 7 или 8 круге – названиям улиц в Вене предшествовали цифры, и чем большей была цифра, тем дальше располагалась эта Strasse от центра.

Прошел эти свои "7 кругов ада" Ут, несмотря на большую поясницу, почти без заминок. Услышав, что "Auslender" прибыл из Софии, заботливые венцы с завидным усердием принимались помогать "собрату" из дружеской страны, освободившейся недавно от "тоталитарного рабства".

И лишь один бритоголовый господин не разделял их дружеских чувств. Опустив из блестящего "BMW" на вычищенный венский булыжник свой черный лакированный ботинок, наци отрезал, словно из пистолета выстрелил, – "keine

Zeit!" – "Нет времени!" Видимо, он не любил не только выходцев из дремучей Тартарии, но и гостей из цивилизованной Българии, "обладающей ответственной миссией связывающего звена между Востоком и Западом".

Что ж, в европейской семье народов тоже не без уroda!

...Ут лежал на широкой кровати в номере отеля "Hummer" на "Mariahilfer Strasse" и анализировал свои впечатления о конгрессе.

Ут никогда не примеривал на себя роль адвоката Алтын Тартарии. Более того, он считал, что дни ее существования сочтены. Экономика западной части Империи активно поглощается американскими транснациональными корпорациями, а за Уральскими горами хозяйничают сыны Поднебесной. Между колонизаторами существует негласный договор, и они до поры до времени не вмешиваются в дела друг друга. Об этом знает каждый школьник Алтын Тартарии. И лишь Верховный Каган, по традиции живущий в закрытом для простых смертных Алтын Сарае, похоже, пребывает в полном неведении о реальной экономико-политической обстановке в своей стране и мире. Он до сих пор думает, что Империя, созданная некогда его предками чингизидами, продолжает оставаться самой могущественной и непоколебимой на свете.

Однако Ут поймал себя на мысли, что ему были неприятны нападки на Алтын Тартарию, свидетелями которых он стал на конгрессе. Какая ни какая, а это была его Родина!

Главное ее достижение заключалось в том, что в Империи нашли защиту и приют многие племена и народы, и все они тоже называли ее своей Родиной. Люди в Алтын Тартарии до всеобщей переписи, которую затеял Верховной каган, жили себе да жили, никто не считал себя ни тартарином, ни русским, ни вотяком, а говорил, например, "без, казанлы" – «мы, казанские», "мы, псковские", «мы, кировские»...

И одной шестой частью суши, продолжил свои мысли Ут, – владеют вовсе не тартары и даже не тартарское государство, а только Верховный каган со своей кликой. Раньше каган носил еще и другие титулы: князь Мосхоский, хан Кавказский, кан Хазарский, эмир Бухарский, король Литовский, царь Българский...

"А ведь Адольф Шикльгрубер некоторое время жил в Вене, и даже мог останавливаться в этой гостинице" – вдруг переключился в своих мыслях на другую эпоху Ут.

Номера пятизвездочного отеля "Hummer" были обставлены под старину с использованием дорогого красного дерева. Время здесь остановилось лет сто назад. Так что здесь могло быть всякое.

– Дзинь, дзинь, дзинь, – зазвонил старинный красный телефон с круглым диском, прерывая исторические размышления хозяина номера.

"Такой телефон, наверное, стоял еще в рейхстаге у Гитлера", – подумал Ут, поднимая трубку.

– Entschuldigen Sie, bitte, – прозвучал в трубке робкий

женский голос.

– Ich nicht spreche deutsch, – ответил Ут, уставший от немецкого языка.

– Извините, Ут, – заговорила трубка по-русски. – Простите, ради Бога, вы меня не знаете, но мне нужно с вами обязательно встретиться, это очень важно.

– Кто вы? – удивился Ут.

– Меня зовут Изабелла, но это имя вам ни о чем не говорит, Я нахожусь этажом выше, в номере 245, я бы очень хотела, если это возможно, с вами встретиться.

"Мой номер 245, и я спешу к тебе опять, – вспомнил Ут слова из старого шансона. – Что за странный звонок!".

Изабелла оказалась вполне симпатичной дамой трудно определяемого возраста, – нужно ли говорить о том, что скупающий иностранец, несмотря на смертельную усталость, не преминул воспользоваться этим загадочным приглашением. Ей можно было дать и 25, и 30, и 35. Но едва заметные морщинки у больших глаз со странным изумрудно-зеленым оттенком заставили Ута склониться все же к последней цифре.

Незнакомка выглядела соблазнительно: короткие каштановые волосы, высокая полуоткрытая грудь, тонкая талия, опоясанная красным поясом, строгое, но короткое платье, из под которого выглядывали аппетитные коленки в ажурных чулочках.

"Куртизанка, – подумал Ут. – Вяла на репсейшин телефоны, вот и названивает всем подряд, а я, дурачок, клюнул".

Но Ут ошибся.

Иштар, так она просила себя называть, разливала красное вино – "из дунайского винограда, такое делают только в древней столице Милк", – и извинялась бархатным, немного нервным голосом:

– Простите меня, ради Бога, за мой дерзкий звонок, я вам позже все объясню, если у вас хватит внимания меня выслушать.

– Вы хорошо говорите по-русски, Иштар, и у вас приятный тембр голоса, – заметил Ут, удивившись ее желанию называться таким странным именем. – Вы из Тартарии?

– Нет, – сказала Иштар, поднеся бокал своей изящной ручкой с тонким запястьем к нервным губам, – но я училась в Мосхоском университете, на филологическом отделении. Я обожаю русскую литературу!

Иштар выглядела как спелая ягодка, которая тяготилась и мучилась от переполнявшего ее внутреннего напряжения, и если ее в ближайшее время не сорвать, она могла сникнуть и завянуть, так и не успев никого опоить своим сладким соком.

– И кто же ваш любимый писатель? – учтиво осведомился Ут.

– Бунин, ну конечно же, Бунин! Такое ощущение, что он свои рассказы писал не пером, а кистью и красками. А из поэтов – Фет. Это какой-то вечный непрерывающийся гимн любви! Ну например, вот это, послушайте:

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,

Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

"Довольно точное наблюдение про Бунина, а у Фета вы-
браны самые пронзительные строчки", был вынужден при-
знать Ут, он с юности зачитывался Фетом, и помнил наизусть
многие его стихи.

– А вы из Българии?

– Я с острова Бержуд.

– А я стопроцентная венка, – несколько вызывающе за-
явила слегка захмелевшая женщина. – Вы знаете, кого мож-
но назвать стопроцентной венкой?

– И кого же?

– Того, у кого по отцовской линии дедушка и бабушка бы-
ли немцем и австрийкой, а по материнской – венгром и бол-
гаркой.

"А вот тут она врет, – поймал свою собеседницу на неточ-
ности Ут. – Не болгаркой, а сербкой, так, во всяком случае,
разъяснял гид в автобусе, когда мы ехали на конгресс в Вен-
скую оперу".

Хозяйка номера определенно ему кого-то напоминала, он
морщил лоб, силясь понять, кого, но память ничего не под-
сказывала. В ее облике было что-то ближневосточное, си-
рийское или турецкое. Но это восточное было воспринято
ею не от тех турков, которые торговали в Вене турецкой ко-
жей на площади у «Grossmarket». Скорее, эти благородные

восточные черточки достались ей в наследство от турецкого падши, который когда-то безуспешно штурмовал неприступные стены Вены.

Ут почувствовал, как в кармане задрожал смартфон, поставленный на "вибратор".

– Извините, Иштар, – сказал Ут, поднося к уху аппарат и подумал: "Самый подходящий момент, елы-палы! И кто же это может быть?"

– Провал, полный провал! – раздался в трубке убитый голос профессора Стоянова. – Вы правильно зделав, что ушли. Я хочу напиватся. Только вы меня можеш понимать.

Ут понял, что так многообещающе начавшийся вечер теперь точно пропал, и, извиняясь, стал прощаться с гостеприимной хозяйкой номера, так и не узнав, чего же она от него хотела.

– Подождите, – протянула Иштар флеш-устройство, сверкнув в сторону Ут зеленой искрой, вспыхнувшей в ее изумрудных глазах. – Закачайте этот файл себе на смартфон. Прочтите и позвоните мне. Я буду ждать.

В файле было письмо. То самое, подготовленное психологами Проектного бюро планетарных исследований и сканированное в электронный формат. Спецагент Изабелла приступила к выполнению задания.

8. Время пошло

Ут лежал с закрытыми глазами, не решаясь окончательно проснуться. Он медленно, очень медленно впускал в сознание ощущения своего сонного тела.

Ут еще раз осторожно прислушался к его импульсам. Нет, из позвоночника не поступало никаких болезненных сигналов...

– Утик, вставай, в школу пора! – мать, опаздывая на работу, тормошила спавшего беспробудным сном сына.

– Который час? – Ут уселся на кровати, растирая спящую глаза.

Осознав, что он находится не в походной палатке на острове Бержуд, а в спальне «двушки» по адресу Тукая 5/1, Ут понял, что Кольцо времени разорвано, и время пошло вперед, но он все равно еще оставался в своем прошлом.

– Пол восьмого. Я уйду, на столе бутерброды и деньги на обед. Поторопись, не хорошо опаздывать в школу 1-го сентября.

Ут, мгновенно вспомнив, что с ним произошло этой ночью – встреча с болгарским каганом Кул Ашрафом, – наспех оделся и рысью помчался... нет, не через палисадник в сторону школы, а чуть правее, к перекрестку улиц Тукая (да, табличка подтверждала, что улица эта называлась именно так!) и Центральная. Лозунг на фасаде углового дома то-

же сменился – там теперь было написано «Слава кагану!», а не «Слава КПСС!»

«Уф!» – облегченно вздохнул Ут, жизнь входила в привычную колею. В относительно, привычную, конечно, – ему ведь нужно было как-то вернуться в свое время. Не веря до конца случившемуся и рискуя опоздать на первый урок, Ут сделал еще один крюк, к кинотеатру «Центральный». И лишь прочитав на афише привычное название фильма – «Корона Тартарской империи. 27 -31 августа», окончательно успокоился.

Похоже, каган Ашраф прислушался к словам Ут.

Отчет Иштар

Спецагент Иза-Иштар шла на отчет к руководителю отдела «Центр» Проектного бюро планетарных исследований с двойственным чувством. Задание вроде бы выполнено. С объектом U установлен контакт, объект нейтрализован. Но проект «Кольцо времени» сорвался, движение объекта не удалось зациклить во временном отрезке, объект сумел вырваться из зоны кольцевания и восстановить линейный ход событий. Хотя это произошло не по вине спецагента, здесь, скорее всего, проявились недоработки самого проекта. Иза-Белла сделала все, что смогла.

Худое бесстрастное лицо руководителя отдела «Центр» не выражало никаких эмоций. Поправляя рукава своей несколько потемневшей, как показалось Изе, спецовки (из голубоватой она стал темно-голубой), он молча и холодно выслушивал доклад агента, иногда прерывая его короткими вопросами:

– Вы уверены, что с объектом установлен доверительный контакт? Насколько он прочен?

– Я уверена, контакт надежный. Объект находится под моим абсолютным контролем, хочу, с кашей съем, хочу с маслом, – похвасталась Иза, облизывая свои влажные губы.

– О, да вы там зря время не теряли, обогатили свой фольклорный багаж, – позволил себе небольшую смену в интона-

ции руководитель отдела «Центр».

Эта интонация помогала Изе понять, что все идет, в общем-то, неплохо. «Центр», похоже, считает, что она все-таки справилась с заданием.

– Возможно, вы заметили какие-то странности в поведении объекта, может быть, ему удалось что-то от вас утаить? Ну, например, какие-нибудь свои фантазии о телекинезе, перемещениях во времени и пространстве? Или идеи о переустройстве мира?

– Никаких странностей я не заметила, – уверенно заявила Иза. – Мне удалось заглянуть в периферийные зоны его подсознания, никаких бредовых идей у объекта не обнаружено.

– Скажите мне, Иза, а помог ли вам «Яд любви», вы его применяли?

– Это вы о разработке психолингвистов?

– Да, о подготовленном ими любовном письме. Вы передали его объекту, оно на него подействовало? Я хочу знать, насколько эффективна эта разработка?

– Очень эффективна. Объект оказался типичным бюргером, без принципов, без идеалов, без высоких идей, с единственной мечтой – как вырваться из круга повседневных забот и предаться плотским утехам. «Яд любви» подействовал на него мгновенно, он тут же распустил нюни. Сработало на все 100! Подчинить его волю мне не составило никакого труда.

– Хорошо. Надеюсь, вы уничтожили все следы своего пре-

бывания в сознании объекта, в том числе «Яд любви»?

– Разумеется, шеф.

– Очень хорошо. Поздравляю, Иза, вы, как всегда, отлично справились с заданием.

– Спасибо. Разрешите вопрос, шеф?

– Пожалуйста?

– А что же все-таки произошло? Почему произошел сбой исторического сценария? И как объекту U удалось вырваться из зоны кольцевания? Я полагаю, что здесь сказалась конструкторская недоработка.

– Сразу столько вопросов. Отвечу по порядку. Сбой, то есть смена исторических путей – отход от варианта В, который мы считаем более предпочтительным варианту А, который тоже допустим, но хуже управляем, наблюдался всего лишь в течение суток по земному исчислению. Нам удалось оперативно стереть следы его проявления с помощью метеорического дождя. Фактически получается, что никого сбоя не было, он зафиксирован лишь нашим Бюро, и, возможно, сознанием вашего подопечного объекта U. С ним, кстати, вам еще предстоит поработать.

– У меня будет новое задание?

– Да, но о нем я скажу позже. Что касается операции «Кольцо времени», – вы правы, это недоработка конструкторов. Не переживайте, Иза, здесь нет вашей вины.

– Я так и думала.

– Проект был сырой, и это признали сами конструкторы.

Но своевременная его коррекция позволила все же нейтрализовать объект U. Правда, теперь движение объекта будет идти не по круговой траектории, как мы сначала планировали, а по линейной, причем, однажды уже им пройденной, и он в этой заданной системе пространственно-временных координат ничего изменить не в силах. Это можно сравнить с поездом, который движется строго по рельсам по заранее заданному маршруту. Малейшее отклонение приведет к тому, что состав сойдет с рельс и самоликвидируется. Таким образом, потенциально нежелательные для нас действия со стороны объекта U полностью заблокированы.

– Из-за чего все же произошел сбой в сценарии? – не унималась Иза.

Начальник отдела «Центр» наморщил лоб и взял паузу, как бы раздумывая, можно ли спускать столь ценную и закрытую информацию вниз по иерархической лестнице. За удачную операцию по нейтрализации объекта U его статус недавно повысили еще на одну ступень – наблюдения Изы были верны, цвет сукна его костюма действительно стал темнее. Но в данной теме, похоже, он и сам плавал.

– Пока точно неизвестно. Этим вопросом занимаются высшие технологи «Обители богов». Могу лишь сказать, что сбой произошел в середине XVI века из-за того, что некий контролируемый нами восточный правитель неожиданно принял альтернативное решение, из-за чего поменялся вектор исторического развития в нашей зоне. Возможно,

произошел несанкционированный взброс информации, который мы не смогли перехватить.

Слушая это объяснение, Иза внутренне напряглась, но старалась не выдавать своего волнения.

– Кстати, Иза, ваш подопечный объект U, кажется, увлекается историей, – словно почувствовав ее замешательство, неожиданно и вкрадчиво перевел тему разговора начальник отдела. – Вспомните, может быть, как-то всплывала эта тема, эта эпоха?

– Да, какой он историк, чистейшей воды дилетант! – Иза уже взяла себя в руки и стала говорить в своей обычной грубовато-ироничной манере. – У этого «историка», несмотря на почтенный возраст, одно на уме – где бы сладко выпить, вкусно закусить и предаться любовным утехам. Я его изучила, как свои пять пальцев. Никаких других интересов в жизни у него нет. Типичное быдло, слегка припудренное налетом интеллигентности.

Почему соврала Иза? Ведь она знала о тайном перемещении объекта U из одной исторической эпохи в другую. Она сама лично, укрывая лицо белым платком, наблюдала за тем, как с площади соборной мечети Казани охрана Кул Ашрафа уводила объект U во дворец кагана! И это происходило как раз в середине XVI века...

Почему спецагент сокрыла этот факт? Из чувства самосохранения, боясь обвинения в слабом контроле за подопечным объектом? Или были иные мотивы? Сердце женщины

неисповедимо.

– Нельзя недооценивать своего противника, – между тем назидательно поучал начальник отдела свою подопечную. – За объектом U мы будем продолжать наблюдение. Ваша задача – регулярные контакты с объектом и сканирование его сознания. Частоту контактов и сканирования определите сами. О малейших изменениях докладывать лично мне по телепатической связи. Время выхода в эфир – прежнее. И глаз с него не спускать! Это не только мое поручение, но и... ну вы сами понимаете, – при этих словах начальник отдела поднял палец вверх, намекая, видимо, на «Обитель Богов», а, возможно, и на самого Верховного Иерарха.

– С превеликим удовольствием! – обрадовалась Иза окончанию аудиенции и отправилась выполнять очередное задание.

9. Зеленые глаза

К великому ужасу Ута, плакат «Слава кагану!» продержался всего лишь сутки. Уже на следующий день его содержание вновь поменялось.

Первое время по утрам по дороге в школу Ут делал небольшой крюк с надеждой увидеть привычную для себя надпись на плакате. Но видел всегда одно и то же – «Слава КПСС!». Похоже, окончательно и уже бесповоротно Ут погрузился в свое альтернативное прошлое. Причем, он полностью потерял контроль над собой, над своими действиями, он мог говорить и делать лишь то, что должен был говорить и делать тот 16-летний мальчик, в шкуре которого он оказался. И ничего нельзя было изменить в его поведении, ни жеста, ни слова. Жизнь строго катилась по уже однажды проложенной колее. Уту оставалось лишь вспоминать свою юность и переживать ее заново.

Ут оказался на грани помешательства. Это шизофреническое сосуществование двух личностей в одном теле раздваивало сознание, грозило перерасти в неразрешимый конфликт.

Единственным утешением была мысль о том, что когда-нибудь удастся все-таки совершить новый полет во времени. Получилось же один раз, значит получится еще, успокаивал себя Ут. И тогда, возможно, он сумеет не только вы-

рваться из временной ловушки, но и вернуть ход истории в ее, как он думал, первоначальное русло.

А пока... А пока Уту нужно было ходить в школу, общаться с родственниками, друзьями, Беллой, учить уроки, дерзить учителям, заниматься футболом, отбиваться от шпаны – словом, жить обычной жизнью ученика 10-го класса обычно советской школы.

Эти две Империи: Алтын Тартария, в которой Ут прожил свою первую жизнь, и СССР, в которой он начинал проживать свою вторую жизнь, на самом деле мало чем отличались друг от друга, к тому же их существование на пространственно-временной шкале совпадало. Любому понятию или вещи легко находилась равноценная замена. Вместо Алтын Тартарии был Советский Союз, вместо партии «Единая Тартария» – КПСС, вместо лозунга «слава Кагану» – «слава КПСС», вместо улицы Тукая – Пушкина, вместо титульной нации «тартары» – «русские»... А суть была одна та же.

Ут потихоньку начал осваиваться в новой для себя обстановке. Алгоритм его жизни был заранее определен, ход событий был известен, ему оставалось лишь занять пост наблюдателя и безмолвно смотреть это увлекательное кино про самого себя. Фильм был давно записан на киноленту и заброшен в архив. Но какой-то неведомый киномеханик достал коробку с полки, сдул с нее пыль и прокручивал теперь один сюжет за другим, в которые нельзя было вмешаться, нельзя было поменять ни одного фрагмента, ни одного кадра –

только смотри и наслаждайся!

Адаптация проходила болезненно и сложно. Ут пережил длительный стресс, превратившись практически в биоробота, он почти полностью утерять способность к самоидентификации.

Осень, зима и весна пролетели, как один день. Ут, точнее, не он, а тот, кто в нем сидел, маленький Утик, разговаривал с людьми, ходил на демонстрации и праздники, сдавал четвертные экзамены, бегал по утрам, посещал футбольную секцию, но все это происходило, как во сне.

Лишь к концу учебного года, накануне школьного выпускного вечера к Уту вернулась способность к анализу.

Он стал осознавать, что в его ситуации были и свои плюсы. Отдавшись течению этой заранее predetermined жизни и эмоционально мало ее переживая, Ут смог высвободить свои умственные и психические силы для решения других важных задач. Необходимо было понять, что произошло с миром и с ним, почему всё вдруг так кардинально поменялось. Произошла какая чудовищная Историческая Мутация, в природе которой ему предстояло разобраться.

Ут еще, и еще раз прокручивал про себя события последних месяцев и дней, случившихся перед Исторической Мутацией. Остров Бержуд... Бургас... Вена... Иштар...

Да, Иштар... Уту показалось, что ключ к разгадке тайны спрятан в этой загадочной женщине. Она чем-то была похожа на Беллу, только более зрелая и опытная. Но как-

то только Ут пытался ее представить, воссоздать ее образ, вспомнить, как она выглядела, какие произносила слова, у него сразу же начинала раскалываться голова... Его охватывала какая-то безысходная тоска, как будто он потерял что-то очень дорогое и близкое, и никогда теперь уже не найдет...

Удалось собрать лишь несвязанные между собой осколки смутных ощущений... Гостиница... Вино... Широкая кровать из красного дерева... Белье... Черные женские чулки... А где же сама Иштар? Она всегда ускользала из сознания, как вода из раскрытой ладони. Оставалось только имя – Иштар.

Было еще какое-то письмо, содержание которого начисто выпало из памяти, а впечатление от него сохранилось... Откровенное, искреннее, щемящее, – не письмо, а крик измученной женской плоти... И с этим рядом ощущений почему-то ассоциировалось слово «яд»...

Уту удалось вспомнить, что письмо было закачено в его смартфон, который ввиду отсутствия шнура для зарядки (еще не наступило время сотовых технологий) валялся ненужным хламом в ящике его письменного стола. Был и бумажный вариант этого документа, Ут видел его внутри дневника Беллы. Потом он пропал. Но как письмо попало к Белле?

«Постой, постой-ка», прервал ход своих размышлений Ут. В тот момент, когда остановилось время (тоже, непонят-

но, кстати, как и почему), было ведь две Беллы. Одна – с голубыми глазами, настоящая (при каждой встрече с ней Ут теперь стал пристально изучать ее глаза – вроде, они были голубыми). А у второй Беллы глаза были зелеными. Что это за крипто-Белла? Почему она приняла облик настоящей Беллы? И куда потом исчезла?

Ут чувствовал, что в ответе на эти вопросы и лежала разгадка к тайне. Нужно было сделать еще одно внутреннее усилие, и завеса упала бы. Но сильная головная боль мешала Уту.

Кое-что все-же прояснилось. Этот зелено-изумрудный блеск – Ут все же вспомнил – он заметил в глазах у Иштар, когда разговаривал с ней в отеле «Hummel». Такими же глазами смотрела на него женщина в белом платке на площади возле соборной мечети, когда охрана Кул Ашрафа повезла Ута к кагану.

Ута пронзила догадка, что какая-то женщина с зелено-изумрудными глазами неизменно встречается на его пути. Причем, она может менять облик, свободно перемещается во времени и пространстве. Кто это – злая ведьма или добрая фея?.. Сердце вновь погрузилось в мучительную тоску.

В мысли о том, что его преследует зеленоглазая дива, Ут укрепился, вспомнив одну историю, случившуюся перед новогодними каникулами.

Витька Швец влюбился в Кротову Таню. Он сам об этом признался Уту. Все в классе знали об отношениях Ута с Бел-

лой, и, похоже, в тайне завидовали, за глаза называя их Ромео и Джульеттой.

Швец изливал душу перед Утом, считая, видимо, его более опытным в сердечных делах и ожидая дружеского совета. Ему почему-то казалось, что красавица Кротова в его сторону даже никогда не посмотрит.

– Нет, она никогда меня не полюбит! – в каком-то диком исступлении твердил Швец.

После этого Витька взял в руки гитару. Сколько отчаяния и безысходной тоски он вложил в слова этой простенькой дворовой песни:

– А что мне стоит подняться в небо,
И сделать мертвую петлю!

По части музыкального сопровождения это, конечно, был не Швель – их общий однолкасник-бард, но что касается драматической части, то Витёк превзошел всех!

Ут искренне сочувствовал другу, но считал, что его переживания яйца выеденного не стоят.

– Сейчас мы пойдем к Таньке и все решим, – твердо и спокойно предложил он Витьке.

– Как это пойдем? – опешил Швец.

– Очень просто, ножками. Давай собирайся! Достань новую рубашку, обязательно белую. У тебя есть чистая белая рубашка?

– Кажется, есть.

– Ну вот, настоящий жених!

Поход друзей в военный городок (отец Кротовой был военным, и они жили в военном квартале) ничем особенным не запомнился. Так, сидели, пили чай, мило о чем-то болтали. Но Витька после этого вечера как-то успокоился. Увидел, наверное, что королева его мечты – вполне земная девушка, сидит в домашнем халате, пьет чай, шутит. Ут даже сам как будто немножко в нее влюбился.

Ут вспомнил и начал анализировать эту историю из-за того, что в ней было два странных момента.

Перед Новым Годом всем классом наряжали елку в актовом зале школы. Ут спрятался в игрушечный домик, исподтишка наблюдая за своими одноклассниками. И тут его взгляд встретился с взглядом Татьяны Кротовой, скрывающейся за зеленой веткой. То ли это был блик елочной игрушки, то ли отражение света праздничной люстры, но Уту показалось, что в глазах девушки промелькнул зеленый блеск. Сердце вновь заныло знакомой тоской.

И еще. О походе Ута с Витькой в военный городок как-то прознала Белла, может, сама Танька ей рассказала. Реакция Беллы была жестко-ироничной:

– Что, ходил к Таньче опытом делиться? – уязвила она Ута при встрече.

И ему вновь показалось, что в ее глазах зажегся недобрый зелено-изумрудный огонек.

Ут понял, что девушка с зелеными глазами еще обязательно появится на его жизненном пути. И стал с мысленным

трепетом готовиться к встрече.

10. А завтра был экзамен

Жаркая звездная ночь спускалась на южный город. Люди вываливались из раскаленных за день бетонных склепов на улицы и направлялись к площади возле ЦУМа, чтобы прильнуть к живой прохладе городских фонтанов.

Ут с товарищем – коренастым крепышом из соседней школы – чинно фланировали меж зеленых скамеек, украдкой взирая на загорелые коленки, нагло сверкавшие из под коротких юбок расфуфыренных красавиц. Это маленький Утик глазел на ножки, а большой Ут вглядывался в лица мелькавших перед ним женщин, надеясь уловить в их глазах зеленый огонек.

Здесь нужно остановиться и напомнить, что сам Ут, тот, большой Ут, которого засосала Петля времени, не мог повлиять на ход событий, не мог вставить от себя даже словечка, он мог лишь наблюдать и анализировать то, что видел и чувствовал маленький Утик, внутри которого поселился Ут большой. Поэтому и лексику, и поведение, и реакцию на те или иные вещи в этом рассказе – это все нужно соотносить с маленьким Утиком. Большой же Ут иногда узнавал в маленьком Утике себя, свой характер, свою натуру, какие-то свои устоявшиеся привычки, которые не изменились даже через полвека. Но чаще он поражался словам и поступкам маленького Утика – неужели он был когда-то таким дуриком! Для

удобства и для того чтобы не запутаться, в дальнейшем повествовании, когда дело будет касаться маленького Утика, мы его так и будем называть Утик, а для большого оставим прежнее имя Ут.

Итак, товарища звали Вова, Утика с ним познакомил Швель. Откуда Швель его знал, – Утик понятия не имел. Может, по старой школе, где они раньше, возможно, вместе учились, – ведь Швель перевелся к ним лишь в 6-м классе. Но точно он знал Вову не по двору – Володя жил на другом конце города, на Театральной, а едва ли не половина 10-го Б, включая Швеля – на Толстого. И знал он его не по спорту. Вова был штангистом, Швель же занимался баскетболом, и еще лихо лабал на гитаре. А до того учился в музыкальной школе, по классу аккордеона. Там он и мог познакомиться с Володей, который тоже, кажется, на чем-то пиликал.

Но в последнее время Володя увлекся тяжелой атлетикой, выполнил норматив КМС. У него даже дома на балконе штанга была, и он спокойно жал лежа 150, Утик видел – сам блины навешивал.

Вообще-то, Утику нравилось с ним гулять. Хоть Вова был и не велик ростом, но выглядел, как настоящий качок. Из под коротких рукавов его белой рубашки выпирали огромные бицепсы – 45 см. На них заворуженно пялились беспечно гуляющие вокруг фонтана любопытные зеваки, среди которых попадались и симпатичные девушки. Правда, юное и откровенно простодушное лицо нашего "Аполлона" несколько

дисгармонировало с его мощной фигурой, что смотрелось слегка комично.

– Слушай, Вован, а давай мы с тобой в одну игру поиграем – "Кого хочешь выбирай" называется, – предложил Утик своему товарищу.

– Что за игра? – как-то не заинтересованно отреагировал Вова.

– Игра – ништяк, очень простая, я ее сам придумал, чтобы удобнее было бикс кадрить. Мы с пацанами уже играли.

– Закадрили кого-нибудь? – как будто оживился собеседник.

– Ну-у, в тот раз не получилось, – замялся Утик и, стараясь придать голосу больше уверенности, добавил: – Но ты, Вова, не очкуй, когда-нибудь обязательно получится.

Утик вкратце рассказал Володе, что это была за игра. Игра и на самом деле оказалась простой. Смысл ее заключался в том, чтобы небрежно подвалить к какой-нибудь приглянувшейся чувихе, а лучше не к одной, а к группе девушек (когда в стае, они побойчее), и набравшись смелости, вежливо спросить: "Извините, девушка (девушки), мы вот тут с другом (друзьями) поспорили, не можете нам наш спор разрешить? – и не дожидаясь согласия, перейти в атаку. – Скажите, а кто по вашему из нас двоих (троих) больше похож на Дон Жуана? И если это вас не затруднит, обоснуйте свой выбор".

– Главное, не менжеваться, – наставлял Утик Вована. –

Говорить быстро, уверенно и весело.

– А если пошлют? – Вова явно дрейфил.

– Не пошлют, нас же тогда не послали, а мы полгорода опросили. Ну если и пошлют – не беда. Пошлют одни, найдем других, вон, смотри, сколько их здесь ходит, – Утик махнул рукой в сторону группки о чем-то весело щебечущих девчат.

– Очкованно как-то.

– Не ссы Маруся, я Дубровский! Говорить буду я. Ты только тупо стой и лыбу дави на весь хавальник. Бабы качков любят.

– А Швель тогда тоже с тобой был?

– Нет, твоего карифана с нами не было.

– А кто был?

– Костя Калга, Витька Жнец и я.

– Что за ребята?

– Нормальные пацаны. Костян борьбой занимается, чемпион города по юношам, между прочим. Витек, как и ты, КМС, только по плаванию. Ты их, точняк, не знаешь, они оба из нашего 10-го Б.

– Ну и кто из вас тогда победил?

– В смысле? – не понял Утик вопроса Вовы.

– Ну за кого девки больше голосовали? Ты же говоришь, что много бикс опросили.

– Шесть штук, – признался Утик. – Представляешь, у нас случилась боевая ничья – 2:2:2. Причем, заметь, Костю вы-

бирали те, кто постарше, и выбирали не за то, что он похож на Дон Жуана, а за то, что из него может якобы получиться верный муж. Лицо у него такое, вызывающее доверие, понимаешь? А на Витька западали ровесницы и называли писанным красавчиком.

– Ну а тебя?

– А что меня? Я почему-то приглянулся только малолеткам.

– И за что?

– Говорили, что я вроде какой-то интересный.

– М-м, похоже, они были правы, – задумчиво произнес Вова.

– Кончай мне мозги пудрить, скажи прямо, мы играем или вечер пропал?

Утика начала раздражать нерешительность стеснительного товарища и он стал догадываться, что Вован просто заговаривает зубы, чтобы не обидеть сразу резким отказом.

– Подожди, не гони лошадей, нужно собраться с духом... Вон там скамейка освободилась, пойдем присядем, обмозгуем, – словно подтверждая предположения Утика предложил Володя.

Но на облюбованную им скамейку товарищи так и не присели. Рядом с ней, на желтой выгоревшей траве, присев на корточки, по-хозяйски расположилась ватага хиповатого вида чуваков с длинными волосами, в широких клешах и завязанных на пупе морским узлом разноцветных рубахах. Не то,

чтобы друзья испугались, с таким компаньоном, как Вован, сам черт не страшен. Хипари пили прямо из горла "Жигулевское", дико ржали и курили, передавая друг другу папироски "Беломор канал", начиненные "планом" – анашей. А Утик, так же, как и его приятель Вова, не переносил табачного дыма. Некоторые пацаны из футбольного клуба «Согда» баловались табачком, и он знал, как это сказывается на дыхалке. Через месяц Утику предстояло выступать на чемпионате Союза, и он заботился о своей форме.

Когда товарищи устроились на пустой скамейке вдали от спасительных фонтанов, рядом с самозабвенно целующейся парочкой, Утик окончательно понял, что вечер действительно пропал.

– А какой у вас завтра экзамен? – как-то уж слишком вежливо (видимо, чувствовал за собой вину) прервал тягостное молчание Вова.

– Не, знаю, химия, кажись.

– Как! Это же последний экзамен, как ты не помнишь? Ты же, не готовился, как будешь сдавать?

– Сдам как-нибудь, сам же говоришь – последний экзамен. Не завалят же меня на нем. Я вообще, мог не ходить на выпускные, на меня из горкома освобождение пришло. Ребята сейчас на сборах, к чемпионату Союза готовятся, а я решил остаться. Но не люблю я эту химию.

– Ты, наверное, из этих, из лириков.

– Ну точно не физик.

– А у нас завтра как раз физика. И мне нужна пятерка.

Тогда я получу золотую медаль!

– И на фига она тебе? Я вот тоже до восьмого класса на медаль шел, а потом неинтересно стало, зачем пуп рвать!

– Мне медаль во как нужна! – Володя сделал характерный жест, поднеся большой палец к своему кадыку. – Я в Москву поеду, в Плехановку буду поступать.

– Ого, вона куда хватил! А если не поступишь, там, наверное, конкурс будь здоров?

– Должен, медалисты отдельно идут.

– Ну удачи тогда!

– Спасибо. Ну а ты чем думаешь после школы заняться?

Мячик будешь по полю гонять?

– Не-а, – сплюнул Утик небрежно сквозь зубы в направлении не прекращавшей целоваться парочке. – У меня другие планы, мы поедem с Костяном на БАМ.

– Куда, на БАМ? – изумленно воскликнул Вова.

– Да, Байкало-Амурскую магистраль будем строить. Завербуемcя по комсомольской путевке.

– Но вас же уже осенью в армию забреют.

– Вот и хорошо. Армейскую школу нужно обязательно пройти. Каждый уважающий себя мужчина должен уметь воевать и защищать свою любимую женщину, – страшно перевирая, повторил Утик слова из недавно прочитанного романа Хэмингуэя «Прощай, оружие!».

– А после армии опять на БАМ поедешь или все-таки в институт попробуешь поступить?

– Там видно будет, может, и в институт.

– А нельзя сразу после школы в институт? Зачем зря время терять.

– Нельзя. Сначала нужно познать жизнь во всем ее многообразии, – ответил Утик на этот раз своей заранее подготовленной фразой.

– М-да, – думая о чем-то своем, неожиданно согласился Вова, – возможно, ты и прав, брат. Если не поступлю в Плехановку сразу после школы, пойду в армию, в спортроту. И снова буду поступать, с золотой медалью да с сержантскими погонями – пусть только попробуют не принять!

... Южный город не желал спать и продолжал жить своей ночной жизнью, как растревоженный муравейник. Несмотря на поздний час, народ не хотел возвращаться в раскаленные квартиры. Дневной зной как будто забыл, что ему по законам природы нужно переходить в ночную прохладу.

Зато Вован ничего не забыл, он тоже жил строго по закону – он соблюдал режим.

– Поздно уже, давай по хатам. Завтра экзамен, нужно выспаться.

– По хатам, так по хатам. Я тебя провожу, Вова.

– Тебе же в другую сторону, а автобусы в это время плохо ходят.

– А зачем мне автобус, я домой за 15 минут добегу.

И Утик не врал. За 15 минут он добегал не только до магазина "Радуга", возле которого в угловом доме жил Володя, но и дальше, через искусственный перелесок, до искусственного озера, созданного искусственными озеленителями практически в голой пустыне. Он бегал туда по утрам минувшей зимой.

Какое это наслаждение, ломая хрупкий тонкий лед, окунуть после быстрого бега разгоряченное тело в ледяную воду! Да, ледяной душ сейчас бы не помешал... Эти комментарии сделал про себя уже большой Ут.

Чем дальше ребята отступали от центра города и ближе подступали к его окраине, тем глубже погружались в ночную мглу. Лишь редкие фонари и желтый свет луны озаряли им путь. Неожиданно из проема одного из переулков брызнули огни лампочек, послышались веселые крики, музыка. Люди вынесли столы во двор и, установив подле них самодельные лавки, прямо на улице, под деревьями, отмечали какое-то торжество.

– Ах, эта свадьба, свадьба пела и плясала, – оглашал всю округу усиленный динамиками голос Муслима Магомаева.

Да, это была свадьба! Из-за большого Т-образного стола высветились белоснежная фата невесты и черный галстук жениха.

Ребята на минутку приостановились, чтобы издали понаблюдать за праздничным зрелищем, в котором рано или поздно каждому из них предстояло выступить в роли глав-

ных героев.

По ночному огненному воздуху пробежала первая робкая прохладная струйка. Ноздри с жадностью впустили ее в себя.

– Что, мальчики, на свадьбу опоздали? – вдруг откуда-то сверху послышался бархатный женский голос.

Утик с Володей, как по команде, вздернули подбородки к крыше пятиэтажки, возле подъезда которой стояли. На балконе третьего этажа мигал огонек сигареты.

– А то поднимайтесь ко мне, чаем угощу, – последовало приглашение.

Таинственная незнакомка, стряхнув пепел с сигареты, пальчиком поманила пацанов к себе. И Уту, не Утику, а именно большому Уту, почудилось, нет, не почудилось, он ясно видел, несмотря на дальность расстояния и ночную темень, он отчетливо увидел, разглядел красный длинный ноготь на ее изящном указательном пальце, которым девушка завлекала ребят в какие-то неведомые сладостные выси.

Утик с Вовой молча переглянулись. Володя мелко-мелко затрясся, замахал руками и со словами "Экзамен, экзамен, завтра экзамен!" в мгновение ока растаял в ночи.

Ут знал чем закончится это рандеву, и мысленно поплодировал благоразумию юного спортсмена-штангиста.

Утик же, набрав в грудь воздуха и резко выдохнув, решительно шагнул во тьму подъезда...

Хозяйка квартиры уже ждала у раскрытой двери:

– Что застыл, как пень, заходи, коли пришел.

Паренек быстро нырнул вглубь лона комнаты и сразу же плюхнулся в покрытое коричневым пледом кресло, стоящее у низкого журнального столика. Утик унимал охватившую его дрожь, а Ут осматривал убранство квартиры, тускло освещенной лампой из под синего абажура.

На столике стояла бутылка початой "Мадеры", рядом валялась раскрытая пачка тонких черных сигарет неизвестной Уту марки, из хрустальной вазы свисали набухшие гроздья красного винограда. На левой стене в полусвете лампы вырисовывался плакат с изображением обнаженного мускулистого торса индейца, похожего на югославского актера Гойко Митича. На противоположной стене висело большое зеркало, под ним находились вместительная тумбочка и мягкий пуфик, который обнимала небрежно брошенная ночная сорочка. Тумбочка была вся обставлена какими-то флакончиками, склянками, пудреницами, кремами, мазями и прочими атрибутами женского быта. В углу комнаты, возле настежь раскрытой балконной двери, из полумрака выступала широкая тахта, укрытая сине-звездной измятой простыней.

И над всем этим витал какой-то особый запах, запах, наполненный ароматами знойной южной ночи, тонких духов, дамских сигарет, винных паров, свежего белья...

Утик тоже уловил этот запах. Для него всё было внове. В комнате у Беллы такого запаха не было. Это был Запах Взрослой Женщины, дразнящий, манящий, зовущий, влекущий в какие-то неиспытанные просторы, в какое-то сладост-

ное, пьянящее и неведомое ранее ему Царство Любви. С Беллой были лишь детские шалости. А здесь...

То, что случилось дальше, происходило словно во сне. Не только у Утика, даже у Ута «крыша съехала», ему удалось зафиксировать лишь неясные контуры, смутные очертания, отдельные детали, обрывки фраз, фрагменты впечатлений... Иногда время замедлялось, как будто останавливалось, и одно короткое действие длилось вечно... А порой секунды и минуты мчались с такой космической скоростью, что сознание не успевало их зафиксировать...

– А где же твой друг, почему он не поднялся? – хозяйка квартиры (назовем ее пока так) разливала по бокалам вино и смотрела на Утика испытующим взглядом.

Паренек, как замороженный, следил, как ее белая чуть-чуть пухлая, но тонкая в запястье рука медленно подносит ему бокал, и не мог ничего вымолвить в ответ. Язык пересох, слова застряли в горле.

– Может, он побежал в ресторан, чтобы угостить даму шампанским? – весело предположила она, включив игривые частоты своего бархатного низкого голоса.

– Нет, просто завтра экзамен, – наконец Утику удалось разлепить запекшиеся губы.

– Какой еще экзамен? – недоуменно пожалала она своими белыми, совсем почему-то не загорелыми плечами, перехваченными узкими полосками легкого халатика.

– Выпускной, у меня по химии, у него по физике... И он

пошел... Это... Готовиться... – Утик опять начал терять дар речи.

– Подожди-ка, подожди-ка, – девушку осенила догадка, – так что, вы школьники что ли!

– Не школьники, а выпускники, завтра – последний экзамен, – от обиды Утик вновь заговорил.

– Ха-ха-ха, школьники, – не унималась хозяйка.

При смехе она откидывалась далеко назад на высоком стуле, и ее и без того короткий полупрозрачный халатик задирался еще выше, и обнажались не только ее круглые аппетитные коленки, но и стройные плотные бедра, от которых Утик, да чего уж там греха таить, и Ут тоже не могли отвести своих восхищенных глаз.

– Так, что же это получается, – хозяйка хлопнула себя по коленкам и, прогнувшись гибким девичьим станом в обратном направлении, вернула себя и свой халатик в исходное положение. – Так, это получается, вам всего по 16 годочков (Ут при этом про себя громко хмыкнул). А с балкона мне твой друг показался вполне зрелым мужчиной. В темноте не разглядела что ли?

– Он штангой занимается, мастер спорта, – соврал Утик. «Во даёт!», восхитился Ут.

– Но ты-то, милоч, на штангиста не больно похож, – то ли с сожалением, то ли с насмешкой произнесла хозяйка.

– Я за клуб мастеров в дубле выступаю. Левый хавбек, – гордо заявил Утик.

«Здесь не соврал», похвалил Ут.

Девушка поднесла бокал с вином к своим пухлым красным губам, отпила небольшой глоток.

– Спортсмен значит. Спортсмен – это хорошо, я спортсменов люблю.

– Меня в сборную Союза зовут, – ободренный словами хозяйки, похвастался Утик и тихо добавил: – За юношескую.

«Трындит, как Троцкий», заметил про себя Ут, успев за учебный год ознакомиться с некоторыми персонажами из альтернативной для него истории.

– А скажи-ка, футболистик, вот ты тут со мной вино распиваешь, а завтра у тебя экзамен. Мамка не заругает?

Ее откровенно насмешливый тон взбудоражил Утика. Если честно, ее слова зацепили и Ута.

– Да чихать я хотел на экзамены! Если хотите знать, у меня от них есть освобождение. Официально я сейчас нахожусь на сборах, понятно?

«Ничего у тебя, дорогой, нет», опять поймал Утика на лжи Ут.

– Ух, какой горячий мальчик! Темпераментный, а главное, искренний. Я искренность люблю, – хозяйка, похоже, тоже стала воспламеняться.

– Никакой я вам не мальчик, понятно? И мне не 16, а 17! А через пять месяцев будет 18! И вообще через неделю я уезжаю на БАМ.

– А как же сборная Союза?

«Молодец, стерва! Хорошо уела», уже в адрес хозяйки послал Ут мысленный привет.

– Плевать я хотел на сборную, БАМ для меня важнее.

– Да, ба-ольшой мальчик...

– Никакой я вам не...

– Тс-тс, – хозяйка приставила к губам парнишки указательный пальчик (тот самый указательный пальчик с изящным красным ноготком, который снизу, еще с улицы сумел разглядеть Ут), и Утик вмиг затих. Спустился как надувной шарик. Словно из него выпустили пар.

– Тихо, тихо, знаю, никакой ты не мальчик. Это же я люблю тебя так называю. Ты мне нравишься. Не сердись.

После этих слов Утик и вовсе растаял. Уту тоже было приятно. Девушка снова пригубила вино. Юный гость последовал ее примеру.

– Ты говоришь, завтра у вас последний экзамен. Химия, кажется?

– Да, – подтвердил Утик.

– А я ведь химфак окончила. В школу училкой пойти не захотела. Вот по направлению и попала сюда, в эту дыру. Я инженером на химзаводе в лаборатории работаю.

– На "Азоте"?

– На нем, родимом... И вот, мне уже 25, а я живу все еще без мужа, без детей в теткиной квартире.

– Так, это не твоя квартира?

– Нет, конечно. Тетка умудрилась выскочить замуж в 45, и сдала мне на длительный срок свою хату. А мне 25, и у меня – никого.

«Так уж и 25!», не поверил Ут. Ему показалось, что хозяйка лет на 10, по крайней мере, старше. Но выглядела она почему-то гораздо соблазнительней и привлекательней, чем тот образ полувековой давности, который всплыл у него в памяти. То есть его воспоминания не совпадали с реальностью.

Утик же, конечно, ничего этого не замечал, он по-детски удивлялся:

– Как никого у тебя нет? – мальчишка, как понял Ут, хотел добавить "а я?", но постеснялся.

– А вот так – ни-ка-го. Но ничего, нынче заканчивается моя трехлетняя отработка, и – прощай пески и саксаулы, здравствуй город на Неве!

– Грустно.

– Се ля ви.

– Все равно грустно. Ты уезжаешь, а я остаюсь.

– Подожди, ты ведь тоже уезжаешь. На БАМ. Или соврал?

– Ты не поняла, мне грустно, что я остаюсь без тебя.

– А как же ты хотел?

– Забрать тебя с собой на БАМ или поехать с тобой в Ленинград.

«Ты что, пацан, совсем охренел!» – бесновался Ут в бесильной ярости.

А хозяйка расчувствовалась.

– Милый, милый, мой мальчик, ты хоть понимаешь о чем-то ты говоришь, – Уту показалось, что в ее больших карих глазах заблестели слезы.

Карих... Глаза у нее карие? Точно, они карие? А может, они... Ут попытался в полумраке комнаты сосредоточиться на ее глазах.

Но хозяйка вдруг резко поднялась со стула, сорвала с его спинки махровое полотенце и со словами "что-то душно, я – в душ" отправилась в ванную комнату.

А Утик и Ут остались наедине с собой обдумывать создавшееся положение. Причем, каждый думал о своем, два мыслительных процесса шли одновременно и параллельно, не мешая друг другу, как в двухъядерном процессоре.

Для Утика были очевидны две вещи.

Первое – он понял, что он окончательно и бесповоротно в нее влюблен, возможно, до конца своей жизни.

Второе – она тоже влюбилась в Утика. Впрочем, второе для него было не совсем очевидным. И он искал аргументы, чтобы закрепить свою уверенность в ее ответном чувстве.

Она по меньшей мере трижды за этот вечер призналась мне в любви.

Она сказала, что любит меня за то, что я спортсмен.

Она сказала, что любит меня за то, что я честный и искренний.

И, наконец, она призналась, что я ей нравлюсь.

Пусть это лишь косвенные признаки подтверждения ее любви, думал Утик, но вот сейчас, перед тем, как пойти в душ, она же прямо сказала "мой милый, я тебя люблю". Стоп! Кажется, она не произнесла этих слов "я тебя люблю", а сказала лишь "мой милый". Ну и что! Разве этого недостаточно?... Кстати, а что она там сейчас делает в душе? Хоть бы краешком глаза взглянуть...

Что касается Ута, он тоже хотел посмотреть на хозяйку в душе. Но сначала он хотел увидеть ее глаза, а потом – всё, что ниже. Ничего, выйдет из ванной – посмотрю, успокоил себя Ут. Он вспомнил, что у маленького Утика уже был такой опыт, и он видел, как девушки моются в душе.

Если отчитывать от нынешней временной шкалы, это было года три-четыре назад, в классе шестом-седьмом. Одноклассник Утика и его сосед по двору Сеня как-то очень быстро созрел и поэтому знал больше всех о том, что касается отношений между мужчинами и женщинами. Он с пятого класса был тайно влюблен в "немку" – учительницу немецкого языка и говорил, что обязательно женится на ней после окончания школы.

Сеня-то и подбил Утика пойти в женское рабочее общежитие, чтобы через раскрытую форточку украдкой понаблюдать, как взрослые тети принимают душ. "Ты не представляешь, без одежды они совсем другие. Ну совсем другие. Они голые, понимаешь! Если пойдешь со мной, сам увидишь", – с жаром агитировал Сеня. Агитации Утик поддался, и потом

подтвердил – да, мой друг Сеня, ты был прав. Ут, впрочем, тоже это может подтвердить.

Жара наконец-то начала спадать, из открытой балконной двери повеяло долгожданной прохладой. Но в разгоряченном сознании Утика начали возникать картинки одна смелее другой. Распалившееся воображение легко дорисовывало те обольстительные формы и округлости, которые скрывал халатик хозяйки...

«Эка, брат, тебя понесло!» – подивился Ут. Полного доступа к мыслительному ядру Утика у него не было, но в силу опыта и того обстоятельства, что однажды, пусть и 40-50 лет назад, он уже переживал эти события, Уту было нетрудно представить, какие чувства и мысли обуревают Утика.

Утика беспокоила одна деталь. Он вдруг вспомнил, что роскошные белые плечи хозяйки обвивала не одна узкая полоска, а две. Первая – лямки от халатика, вторая – белые, едва заметные лямки от ее лифчика. Утик боялся, что не сумеет его расстегнуть, и случится конфуз. Опытный Сеня рассказывал ему недавно, как нужно справляться с этими хитрыми женскими замочками, охраняющими доступ к девичьим прелестям и даже демонстрировал некие манипуляции у себя за спиной. Но Утик начисто забыл его инструкции.

«Вот, блин, и я ничем не могу помочь, впрочем, никаких инструкций, если мне не изменяет память, сегодня не понадобится», – подумал Ут.

– Скучаем? – вкрадчиво-ласковый голос хозяйки оторвал Утика от сладостно-мучительных грез, а Ут мысленно содрогнулся от этого вопроса.

«Почему она обращается к Утику во множественном числе? Странно это как-то, – забеспокоился он, но тут же нашел объяснение: – Так иногда говорят, это просто речевой оборот».

Хозяйка устроилась на стуле в вполоборота к синему абажуру, его тусклый свет едва освещал ее лицо и не позволял заглянуть в глаза. Ут, естественно, никак не мог к ней приблизиться сам, не мог он подтолкнуть поближе к девушке и Утика. Ут сосредоточился и стал ждать удобного момента.

– Давай, ребятки, допьем вино – и по коням.

После душа девушка показалась Утику еще прекраснее, даже его безудержная фантазия не смогла создать такой обворожительный образ – свежая, озорная, воздушная, пленительная. Ут тоже залюбовался ее красотой.

Очарованные ослепительным видом хозяйки, Ут с Утиком не обратили внимание на странные слова в ее речи.

Для Ута таким странным словом могло быть «ребятки» – девушка вновь обратилась к Утику так, как будто он был в комнате не один. Но однажды найдя этому объяснение – «речевой оборот», Ут пропустил эту странность мимо ушей, которых, впрочем, у него не было. К тому же все его внимание было сосредоточено на глазах хозяйки, Ут опасался, что из них в любой миг может брызнуть зеленый свет, и он пропу-

стит этот момент.

Для Утика же странным могло показаться выражение "по коньям", но он тоже пропустил его мимо ушей, которые у него как раз-то были. Ну сказала и сказала, наверное, пошутила так. Утика взволновало нечто другое, он заметил, что после ванной девушка изменилась, чего-то в ней не доставало, и не во внешности, а в ... ее гардеробе. Да, точно, с ее плеч исчезли эти белые злосчастные полоски. Хозяйка сняла лифчик!словно гора спала и с ее, и с Утика плеч. Лицо Утика расплылось в глупой, блаженной улыбке.

– Что ты на меня так смотришь, – кокетливо спросила девушка и разлила по бокалам остатки вина. – Нравлюсь?

– Ты восхитительна!

– Тогда почитай мне стихи, – хозяйка капризно сжала свои красивые губки и властно спросила: – Ты знаешь стихи про любовь?

Знал ли Утик стихи про любовь? Что за вопрос! Даже если б и не знал, то тут же сочинил бы в честь своей Богини любовную поэму.

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали

Лучи у наших ног в гостиной без огней

Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,

Как и сердца у нас за песню твоей.

«Оказывается, Утик тоже увлекался Фетом, – удивился про себя Ут. – Но я бы на его месте выбрал другие строчки, которые больше подходят злобе момента:

Закинув голову, с улыбкой опьянения,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

Хозяйке понравились стихи, которые прочитал Утик, то, что читал про себя Ут, она, естественно, слышать не могла.

– Красиво, – мечтательно вздохнула она. – Молодец.

– Это не я, это Фет, – скромно потупил глаза Утик..

– Я знаю, мне вообще нравится романтический классицизм поэтов золотого века. Особенно любовная лирика.

И хозяйка продекламировала своим бархатным голосом:

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,

Что ты одна – любовь, что нет любви иной,

И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,

Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Утик, услышав продолжение стихотворения Фета, почувствовал в хозяйке родственную душу, а Утик мысленно прослезился, его с юности преследовал всепоглощающий жар любви этих боговдохновенных строк. Совсем недавно Ут, кажется, их слышал, причем, декламировал голос, по тембру очень близкий к тому, который прозвучал сейчас...

– А теперь почитай что-нибудь из своего, – снова властно

попросила девушка.

Она даже не поинтересовалась, а пишет ли Утик стихи, она и так про него все знала. И от этого стала Утику еще ближе. Похоже, что Ут тоже расчувствовался.

– Только сначала допьем вино... За любовь... А теперь читай...

Влюбленного поэта дважды просить не надо.

Я грустный пес, коричневый и добрый,

Лежу в твоих ногах, но я не сплю.

Твой легкий сон от страшных сновидений

Большущими ушами стерегу.

– Душевно. Это твои стихи?

– Я посвящаю их тебе.

– Спасибо, милый.

И тут случилось то, чего так опасался и так вожделенно ждал Утик. Девушка поднялась со стула... И время начало замедляться... Медленно, очень медленно, как на видеоклипе монтажного стола с функцией сниженной скорости, ее тело склонялось к Утику... Ут, почувствовал, как бешено забилось его сердечко. Если бы у Ут было сердце, оно, наверное, тоже бы взволновалось... Ут видел, как трепетали ее пухлые красные губы, а Утик находился в полуобморочном состоянии... Ее лицо было уже совсем близко, взгляд соскальзывал ниже, от пухлых губ к гибкой белой шее, а потом еще ниже, к ее открытой восхитительной груди... Вот уже показались ее соблазнительные выпуклости, они увели-

чивались, превращаясь в округлые холмики... Лифчика на ней действительно не было... Уже чувствовалось ее горячее дыхание... А главное – запах, этот умопомрачительный запах духов, вина, девичьей свежести... Запах Женщины...

Девушка быстро поцеловала Утика в губы, тут же отстранилась и стремительно упала обратно. И вот, в это мгновение, когда девушка падала на стул, Уту показалось, нет, не показалось, он заметил, как в ее карих, да глаза все-таки были карими, но Ут заметил, даже не заметил, он угадал, как в них загорелся бешеный зеленый огонек. На этот раз в нем не было злобы и ярости, была только одна всепоглощающая страсть.

И вдруг она, холодная, сказала:

– Стара я, мальчик, для тебя

Мне завтра утром на работу,

Да и на экзамен вам пора.

11. Остров безвременья

Ут лежал с закрытыми глазами, не решаясь окончательно проснуться. Он медленно, очень медленно впускал в сознание ощущения своего сонного тела.

Ут еще раз осторожно прислушался к его импульсам. Нет, из позвоночника не поступало никаких болезненных сигналов...

– Доброе утро, милый! – поприветствовал его приятный женский голос.

Голос был знаком, Ут его уже раньше слышал. Кто-то неж-

но провел ладонью по его голове... Ут открыл глаза и увидел рядом с собой на постели... хозяйку квартиры, укрытую звездно-синей измятой простыней.

Он глядел на нее не понимающим взглядом, она загадочно улыбалась.

– Где это я? – задал Ут дурацкий вопрос и осознал, что обрел дар речи, и никакого Утика внутри его больше не существовало.

Ут быстро осмотрел свое тело и понял, что оно тоже вернулось в прежнее состояние. Девушка продолжала улыбаться.

– Где мы?

– В безвременье.

– Какой сейчас год?

– Здесь нет времени.

– А в какой мы стране – в Алтын Тартарии или в СССР?

– Здесь нет пространства.

– На небесах что ли? – попытался пошутить Ут.

– Почти.

– Не понял.

– Я потом объясню.

– А ты кто: злая ведьма или добрая фея?

– Догадайся сам, – игриво ответила девушка, стрельнув озорным взглядом, в котором промелькнула зеленая искра.

– Иштар! – воскликнул Ут и резким движением, как будто его ужалили током, присел на кровати. – Ты Иштар! Как ты

здесь оказалась?

– Называй меня Изабеллой, – попросила девушка.

Белла, Белла, Изабелла... «Видимо, мне от этого рокового имени во веки веков не избавиться», подумал Ут и окончательно проснулся. Мозг стал активно работать.

– Тебе же больше нравилось имя Иштар, – напомнил Ут и стал как бы заново, новыми глазами, осматривать квартиру. Ничего в ней вроде не поменялось.

– А теперь больше нравится Изабелла. Тебе ведь тоже это имя нравится. Так зовут твою девушку.

– Ты и про Беллу знаешь?

– Я про тебя все знаю.

И тут в сознании Ута произошло замыкание. Замыкание цепи. Цепочка из его смутных догадок и предположений вдруг выстроилась в стройный ряд, фрагменты отдельных событий соединились логическими звеньями и он увидел цельную картину.

– Хорошо, пусть будет Изабелла, – вкрадчиво и мягко обратился Ут к девушке. – Действительно мне это имя больше нравится, чем Иштар. Скажи, Изабелла, могу я задать тебе несколько вопросов? Обещай, что ты мне на них ответишь.

– Я постараюсь.

– Начнем сначала. Мы с тобой познакомились в гостинице в Вене. Так?

Изабелла молча кивнула головой.

– Это очевидно. Скажи, а ты была когда-нибудь в Казани?

– Нет, никогда.

– Значит, там, на площади, в белом платке, у соборной мечети была не ты?

– На какой площади?

– С которой меня уводила охрана кагана Кул Ашрафа.

– Женщина в белом платке – это была я. Я удивлена, что ты меня заметил. Там было так много народа, и все были так разгорячены.

– Почему тогда ты сказала, что никогда не была в Казани?

– Я не знала, как называется этот город.

– Значит, ты умеешь перемещаться в пространстве и времени?

– Так же, как и ты.

– Я не умею, у меня только один раз получилось, случайно.

– Ничего случайного не бывает. Получилось раз – получится еще.

Многое для Ута стало проясняться, но еще больше фактов оставались непонятыми. И он продолжил расспросы.

– Ты можешь мне объяснить, почему, перед тем, когда остановилось время, там, в квартире у Беллы... ты ведь помнишь этот момент.... почему тогда было две Беллы? Одной из них была ты?

– Да.

– А когда я прятался в игрушечной избушке, за новогодней елкой пряталась тоже ты?

– Да, это была я. И не только там, я много раз была в последнее время рядом с тобой. Только ты не замечал этого.

– Но на остров Бержуд ты не приехала, хотя я тебе и звонил.

– Нет.

– Почему, ты же обещала?

– Это не входило в мои планы.

– Почему ты преследуешь меня?

– Я выполняю задание.

– Какое?

– Я спецгент.

Вот те на! Такого оборота Ут никак не ожидал.

– И на кого ты работаешь, на ЦРУ, Моссад, МИ-8?

– На Бюро планетарных исследований.

– А это еще что за разведка такая? Ничего о ней не слышал.

– Это не разведка. Это круче. Если наберешься терпения, я обо всем расскажу. Я обязательно должна тебе обо всем рассказать, иначе ты ничего не поймешь. Готов меня выслушать?

– Еще спрашиваешь! Я просто жажду услышать твой рассказ.

Рассказ Изабеллы длился более часа. Она во всех подробностях рассказала Уту о конторе, на которую она работала, о целях и задачах этой таинственной организации. В тех объ-

емах, конечно, которыми владела. Не утаила Иза и о своем спецзадании, поведала и о том, какой чудовищный эксперимент проводился над Утом – объектом U. Если бы Ут не пережил за последний год столько загадочных, неподдающихся человеческому осознанию событий, он посчитал бы рассказ Изабеллы – бредом сумасшедшего. Но с ее помощью Уту как раз удавалось, пусть с большим трудом, шаг за шагом, восстанавливать в своем уме целостное восприятие мира и находить ответы на вопросы, которые мучили его с момента взрыва метеорита на острове Бержуд.

Впрочем, как разъяснила Изабелла, это было не падение метеорита, а метеоритный дождь, смывающий следы исторической памяти. Ут не понял до конца, как работал этот механизм, да и сама Изабелла в этом плохо разбиралась (как у спецagenta перед ней стояли другие задачи), но общий принцип он уловил.

История Евразии, как сказала Изабелла, сначала развивалась по варианту А, и Ут действительно жил в стране, которая называлась Алтын Тартария. Но Верховный иерарх решил, что путь В предпочтительнее. Для того чтобы скрыть следы прежней исторической картины, был организован метеоритный дождь, который каким-то образом смыл Ута с практически необитаемого острова Бержуд в Петлю времени. И, возможно, Ут единственный из простых смертных, живущих на планете Земля, остался с неизменным мировосприятием. У всех остальных людей оно поменялось, одно-

моментно и повсеместно – вот какая глобальная была проведена аберрация исторического сознания! Если раньше для этого требовались десятилетия и столетия, – ведь нужно было уничтожить старые и создать новые фальсифицированные источники, написать по ним откорректированные учебники и книги, создать адаптированные системы образования и произведения искусства, – то теперь это осуществлялось мгновенно. Бюро планетарных исследований не дремало!

Изабелла была уверена в том, что Ут обладает сверхъестественными способностями, о силе и возможностях которых он даже не подозревает. Такие способности, в разной мере, есть у каждого человека, но они искусственно подавляются. Ут, оказавшись в критической ситуации, смог каким-то образом их проявить. Поэтому ему удалось совершить Полет в прошлое и вернуть прежний вектор развития истории, что страшно перепугало руководство Бюро планетарных исследований. Несмотря на то, что уже через сутки был восстановлен статус кво, технологи заподозрили, что кому-то из простых смертных стали известны их секреты. Подозрение пало на объект У. Было принято решение: найти опасный объект и обезвредить. Дело поручили опытному спецагенту Изе.

Для блокировки объекта У были использованы новейшие разработки. Первую из них – «Кольцевая изоляция» – Уту, благодаря проявлению сверхспособностей, удалось разрушить. Но со второй – «Линейная изоляция» – Ут справиться не смог. Почти год он провел в ловушке времени, пока его

оттуда не вызволила Изабелла.

– Скажи, зачем ты это делаешь? – спросил Ут, нервно потирая лоб. – Ты скрыла от своих шефов наш Полет к Кул Ашрафу, свалила провал кольцевой операции на не совершенство разработки, а сейчас вот вытащила из капкана времени и освободила меня от общества этого противного милокоса Утика.

– Никакой он не противный, – возразила Изабелла. – А очень даже милый мальчик, чем-то похожий на тебя. Не было бы маленького Утика, не было бы и большого Ута.

– Не уходи от ответа. Скажи, почему ты помогаешь мне?

– А ты сам до сих пор еще не догадался?

– О чем я еще должен был догадаться! У меня уже голова пухнет от всяких догадок и разгадок. Ты можешь прямо ответить на поставленный вопрос?

– Хорошо, отвечу. Но сначала скажи, ты помнишь то письмо, которое я передала тебе в венском отеле?

– Ты же говорила, что стерла его из моей памяти?

– Стерла да не всё, ведь ощущения от этого письма у тебя остались?

– Да, какие-то смутные воспоминания есть... это был крик безумно одинокой женщины.

– Совершенно верно. Это был крик моей одинокой души! Но я не сразу поняла. Технологи назвали это письмо «Ядом любви». Не знаю, смогла ли я его тебя им заразить – такое у меня было задание. Но сама заразилась точно. Ты помнишь,

как прошла сегодняшняя ночь?

Ут наморщил лоб – память не выдала ни единой зацепки, всё было окутано густой мглой.

– Не трудись, – прервала его усилия Изабелла. – Все правильно, ты и не должен ничего помнить. А помнишь, как мы с тобой провели ту ночь в Вене?

Ут снова напрягся, память опять молчала.

– А разве у нас была ночь? Я же ушел тогда сразу к профессору Стоянову. И, кажется, мы с ним хорошо напились.

– Потом ты вернулся. Неужели ничего не помнишь?

– Ты хорошо постаралась, уничтожила все мои воспоминания.

– Нет же, нет, не все, ты должен помнить... чувства, там были чувства, и.. любовь... мне никогда не было так покойно и хорошо, как в ту ночь... ну вспоминай!

– Кровать из красного дерева... черные чулки...

– Да, это мои чулки... вспоминай дальше... вспоминай свои ощущения...

– Не могу! У меня начинает раскалываться голова... душит тоска... сердце плачет... как будто, теряю что-то дорогое... очень дорогое...

– Все правильно... ты тоже говорил мне о любви... говорил, что ждал меня всю жизнь... и боишься потерять... а я обещала, что обязательно вернусь...

– Да, я помню это чувство... оно потом меня всегда преследовало... как будто я нашел и сразу потерял... и я все

время ждал... ждал женщину с зелено-изумрудными глазами... я тоже заразился «Ядом любви»?

– Возможно... что ты еще помнишь?... помнишь, мы пили вино, декламировали Фета?... помнишь вот это? послушай:

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.

Жаркие строчки о любви и страстный, низкий, бархатный голос Изабеллы развеяли туманную мглу, окутавшую память Ута. И он вспомнил всё, или почти всё! И завершил стихотворение:

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

... Когда Ут с Изабеллой проснулись, наступил уже вечер. Распустив свои густые каштановые волосы, женщина покойно лежала на правом плече любимого. Ут в легкой дремоте осторожно перебирал пальцами локоны Изабеллы.

– О чем ты думаешь? – вывела она его из сонного состояния.

– Меня мучают две вещи, – сказал Ут, открывая очи.

– Какие?

– Первая – я тебе соврал.

– Так, – Изабелла привстала и, опершись на локоть, стала

смотреть в глаза Уту. – Признавайся немедленно – в чём?

– Я сказал, что мне нравится твое имя Изабелла, вернее, ты сама так сказала, а я согласился. Хотя оно мне совсем не нравится, какое-то вычурное. Это имя, хоть и означает «красивая», тебе не подходит.

– Ха-ха-ха! – звонко засмеялась женщина. – А это вовсе и не мое имя!

– Как это не твое? – теперь уже привстал и облокотился на локоть Ут. – Значит, это ты обманщица, а не я. Аферистка.

– Да, вот, представь себе, аферистка, – подразнивая, сказала мнимая Изабелла.

– И какое же у тебя настоящее имя и почему ты его скрыла? Ах да, ты же спецгент, я совсем забыл, – дурашливо хлопнул себя ладонью по лбу Ут. – Конспирация, и все такое, да?

– Я сирота, выросла в детдоме, и чтобы скрыть этот факт из своей биографии, я поменяла имя. Я была тогда еще совсем юной, и мне казалось, что имя «Изабелла» будет звучать изысканно и романтично. Глупо, конечно.

– А откуда появилась Иштар?

– Это мой рабочий псевдоним, – мнимая Иштар недовольно нахмурила брови. – Забудь его и никогда не упоминай.

– Уже забыл. Но как же вас все-таки зовут, таинственная незнакомка?

– У меня очень простое имя – Лана.

– Ла-на, – по слогам повторил Ут новое имя любимой жен-

щиной. – А что, мне нравится! Ла-на – здорово! Гораздо лучше, чем Изабелла. А послушай, как это гармонично звучит – Ут и Лана. Идеальное сочетание.

"Уту охотился за ланью, и все-таки ее поймал" – сложилась у Ута в голове неожиданная ассоциация.

– А то! – весело согласилась Лана.

– А ты знаешь, как твое имя с латыни переводится?

– Нет, никогда об этом не задумывалась.

– Миролобивая.

– Да-а? – с каким-то детским удивлением протянула Лана. – Нет, ты серьезно? Ты уверен?

– Абсолютно, можешь посмотреть в словаре.

Лана задумалась, даже немного взгрустнула.

– А что, я в душе всегда была миролобивой. Это слово абсолютно точно характеризует мою глубинную сущность. Но обстоятельства...

– Трудное детство, тяжелая спецслужба, – стал подначивать Ут.

– Да пошел ты! С ним серьезно, а он... Вот, как запущу сейчас в тебя подушкой, – Лана схватила подушку и положила ее к себе на колени, как будто готовясь к броску.

– Ладно, ладно, успокойся, – Ут приобнял Лану за плечи и протянул руку. – Мир?

– Мир, – согласилась Лана и вложила в открытую ладонь Ута свою ладошку, но тут же ее выдернула: – Никакой не мир! Не мир!

– Это почему же! Что – война? – нарочито грозным тоном спросил Ут.

– Может, и война, – в тон ему ответила Лана. – До тех пор пока не осознаешься, как ты меня еще обманул?

– Когда это я тебя обманывал?

– Ты сам признался, что обманул меня дважды. Первый раз соврал, когда сказал, что тебе нравится имя Изабелла. Ну с этим мы разобрались. Признавайся, когда соврал во второй раз, обманщик коварный?

– Я не так говорил. Ты спросила, о чем я думаю. Я ответил, что обдумываю две вещи.

– Хорошо, первую обсудили. Говори, какая вторая.

На самом деле вопросов к Лане у Ути было не два и не три, а гораздо больше. Но он не знал, с какого удобней начать. Решил начать с самого на данный момент большого.

– Почему ты так долго не возвращалась? Я ждал тебя почти год.

Улыбка моментально слетела с лица Ланы, она начала говорить серьезным, немного печальным голосом:

– Раньше я не могла. Ты думаешь, легко было вытащить тебя из состояния линейного зомбирования? Технологи придумали такой замысловатый код, что у меня очень много времени ушло на его расшифровку. Мне было поручено осуществлять над тобой постоянный контроль, и я все время была рядом. Но до тебя я никак не могла достучаться, только через этого юного Утика. Разве перед ним можно было

открываться?

– Нет, конечно, у него бы махом крышу снесло, – сказал раздумчиво Ут.

– И потом, мне нужно было замести следы...

– Вот, вот, я как раз об этом хотел спросить, – перебил Ут и с тревогой продолжил: – Тебя наверняка будут искать, если уже не ищут. Тебе угрожает серьезная опасность.

– Она угрожает нам обоим. Но я позаботилась о нашей безопасности, поэтому еще тебе пришлось так долго ждать. Мне нужно было создать островок безвременья, на котором можно укрыться. Сейчас как раз на нем мы с тобой и находимся, здесь нас никто не найдет.

– В этой квартире? – удивился Ут, озираясь по сторонам. – Почему ты выбрала такую обстановку?

– Чтобы совершить плавный переход из одной реальности в другую.

– Что это за островок? Как ты его создала?

– Между прочим, к этому подтолкнул меня ты. Тебе же удалось остановить время тогда на квартире у Беллы. Я немного усовершенствовала твою технологию и сконструировала свою пространственно-временную нишу – некий островок безвременья. На нем не может быть никого кроме нас с тобой.

– Насколько этот остров неприступен, и если даже он неприступен, не будем же мы здесь находится вечно?

– Спецы из Бюро его, конечно, обнаружат. Не думаю, од-

нако, что это произойдет быстро. Так что живи и радуйся! Никто нас здесь пока не достанет. Или тебе не нравится мой остров?

– Ну что ты! – Ут снова обнял Лану за плечи. – Нравится, еще как нравится! Но...

– Да понимаю я всё! – опережая любимого, высказала Лана его мысли. – Понятно, что рано или поздно придется отсюда сваливать. Но куда мы можем уйти, ты знаешь?

– А сейчас там, за пределами нашего острова, какое там сейчас время?

– Твое, в котором ты раньше жил.

– А страна, какая страна – Алтын Тартария или СССР?

– СССР рухнул, его давно уже нет. Остались одни обломки.

– Значит, придется возвращаться на развалины советской империи. Алтын Тартария оказалась прочнее.

– Но и ее век не долгод.

– Я знаю. Но Алтын Тартария пока ведь сохраняет свои потенции к существованию, не лучше ли нам вернуться туда?

– Как ты себе это представляешь?

– Нужно изменить ход истории. Получилось один раз – получится другой. Ты сама говорила.

– Это ничего не решит. Хрен редьки не слаще. И вариант А, и вариант В одинаково плотно контролируется Бюро.

– А других вариантов нет?

– Есть, вернее, был. Это вариант С, которого страшно бо-

ятся все эти конструкторы, технологи, иерархи из Бюро. Поэтому блокируют любую возможность его возрождения.

– Что это за вариант?

– Я тебе уже объясняла. Вариант С – это естественно-природный алгоритм развития человеческой цивилизации. Но этот алгоритм был нарушен, вектор изменен, движение направлено в ловушку. Истинные знания сокрыты и недоступны. Природа человека, чьи способности поистине безграничны, подвергается мутации. Человечество деградирует.

– Да, помню, ты рассказывала. Как восстановить этот путь?

– Это очень сложно. Практически, наверное, уже не возможно.

– А теоретически?

– Теоретически... Для этого нужно вернуться в прошлое, очень далекое прошлое, возможно, еще в до шумерскую эпоху и развязать там узловый момент, который изменит дальнейший вектор развития. Возможно, кимерам не нужно было преодолевать Меотское море, когда они гнались за ланью...

– Ты и об этом знаешь?

– Я же сказала, что я знаю о тебе всё!

– Вряд ли. Но речь сейчас не об этом. Допустим, мы попали к древним кимерам. И что нам там делать?

– Примерно тоже, что ты делал во время своего Полета к кагану Кул Ашрафу. Только то было локальное изменение,

а необходимо совершить глобальный поворот и удерживать потом его стабильность на протяжении всей истории.

– Всего то! Это нам раз плюнуть, – почесывая затылок, иронично произнес Ут.

– Но прежде чем плевать, нужно овладеть хотя бы частью тех знаний, которыми обладают технологи из Бюро планетарных исследований, – урезонила Лана.

– Вот, ну вот, дорогая, – Ут обнял Лану и поцеловал ее. – Теперь я знаю, чем мы будем с тобой заниматься в перерывах между любовью долгими зимними вечерами на нашем острове.

– А что, я согласна! – весело воскликнула Лана, зажигая зелено-изумрудный огонек в своих глазах.

Время пошло.